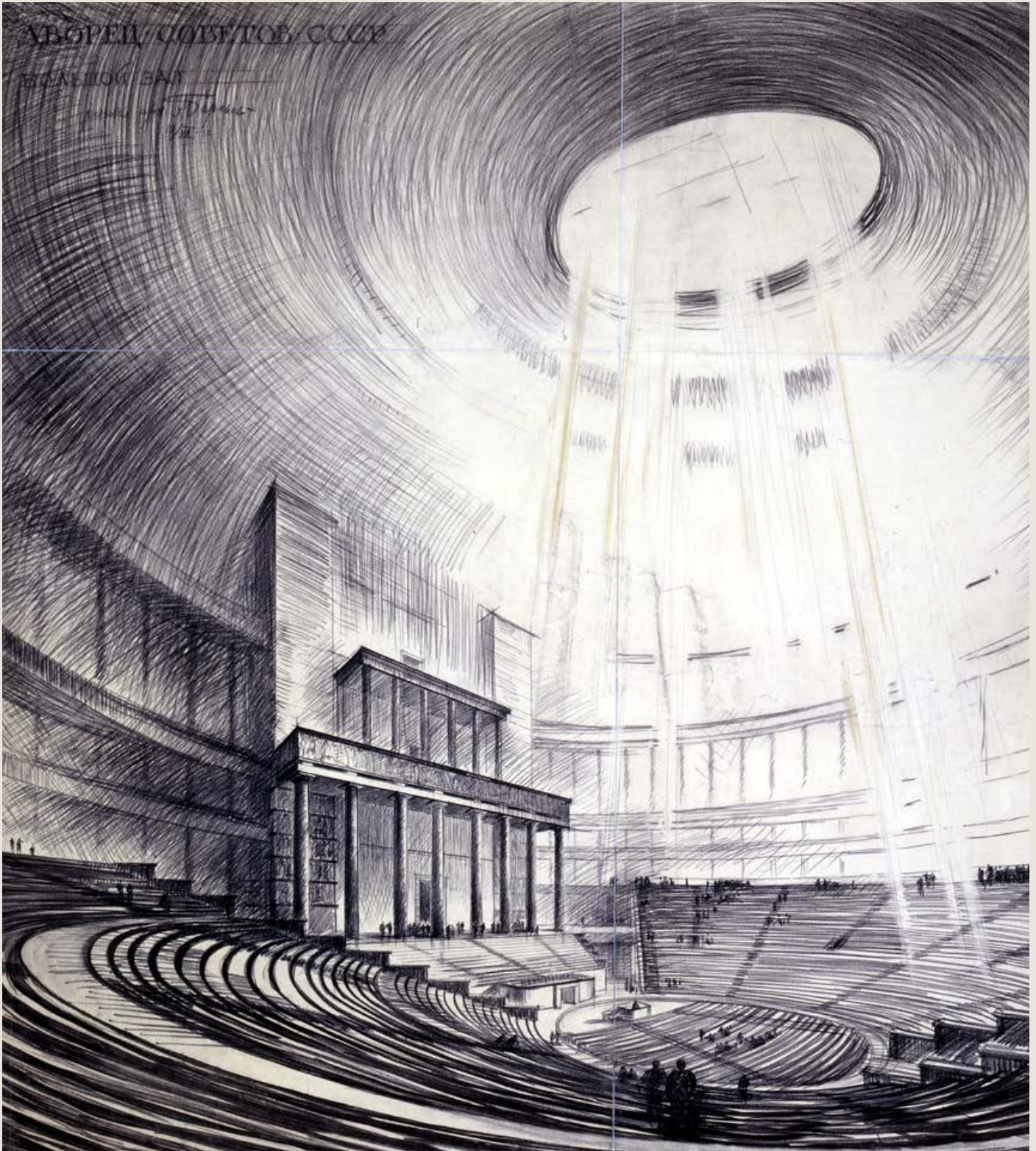

ИОФАН 130

Пути архитектуры 1920-1940-х годов

IOFAN 130

The Paths of Architecture of the 1920s-1940s

CENTRE
ANDRÉ
CHASTEL

TOR VERGATA
UNIVERSITY OF ROME

ИОФАН 130

Пути архитектуры 1920-1940-х годов

IOFAN 130

The Paths of Architecture of the 1920s-1940s

Тезисы международной
научной конференции

Abstracts of the
international conference

Под. ред. Вяземцевой А.Г.

Ed. by Anna Vyazemtseva

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва
Центр им. Андре Шастеля, Исследовательская лаборатория истории искусства, Париж
Департамент инженерии предпринимательства им. Марио Лучертини, Университет Рим-2 «Тор Вергата»
Союз московских архитекторов

ИОФАН 130

Пути архитектуры 1920-1940-х годов

Международная научная конференция,

15-16 сентября 2021

Центральный дом архитектора

Гранатный пер., д. 7, стр. 1, Москва

Научный комитет:

А. В. Боков, М.Г. Д'Амелио, А. Де Маджистрис, А.Ю. Казарян, Н. А. Коновалова,
К. Конфорти, Е. В. Конышева, Ю. Л. Косенкова, Ж.-Б. Миннэр

Оргкомитет:

А. Г. Вяземцева (председатель), С. Гесслер, Л. Гриеко, К. А. Малич, И. Е. Печенкин

Англо-русский перевод: Чумичева О. В.

© Коллектив авторов, текст, 2021;

Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, 2021

Кучково поле Музеон, 2021

УДК 72.036

ISBN 978-5-907174-65-8

Конференция организована в рамках договоров о научном сотрудничестве НИИТИАГ и Лаборатории истории искусства Центра им. А. Шастеля, Париж, и Департаментом Инженерии предпринимательства Университета Рим-2 Тор Вергата.

Публикация подготовлена в рамках совместного проекта НИИТИАГ и Центра им. Андре Шастеля «Русские архитекторы за пределами России в 1905-1991: Италия, Франция, Великобритания» (рук. Вяземцева А.Г. и Ж.-Б. Миннэр) при финансовой поддержке РФФИ и Национальным центром научных исследований Франции в рамках научного проекта № 21-51-15002

информационный партнёр archi.ru

The Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, Moscow
Centre André Chastel, Laboratoire de recherche en Histoire de l'art, Paris
Department of Enterprise Engineering 'Mario Lucertini', Tor Vergata University of Rome
Union of Moscow Architects

IOFAN 130

The Paths of Architecture of the 1920s-1940s

International conference

15-16 September 2021

Central House of the Architect

Granatnyi Pereulok, 7-1, Moscow

Scientific Committee:

Andrey Bokov, Claudia Conforti, Maria Grazia D'Amelio, Alessandro De Magistris, Armen Kazaryan, Nina Konovalova, Evgenija Konysheva, Yulia Kosenkova, Jean-Battiste Minnaert

Organising Committee:

Anna Vyazemtseva (chair), Stéphane Gaessler, Lorenzo Grieco, Ksenia Malich, Ilya Pechenkin

Russian-English translations: Olga Chumicheva

© Authors, 2021

The Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, 2021

Kuchkovo pole Museon, 2021

ISBN 978-5-907174-65-8

The conference is prepared in the framework of agreement for scientific cooperation between The Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, Moscow and Research Laboratory of History of Art, Centre André Chastel, Paris and Department of Enterprise Engineering 'Mario Lucertini', Tor Vergata University of Rome.

The publication is realized in the framework of collaboration between The Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, Moscow and Centre André Chastel, Laboratoire de recherche en Histoire de l'art, Paris, the research project № 21-51-15002 "Russian architects beyond Russia from the First Russian Revolution to the Fall of the USSR: Italy, France, Great Britain", funded by RFBR and CNRS.

media partner archi.ru

130-летний юбилей русского и советского архитектора Бориса Михайловича Иофана (1891–1976) дает новый повод для осмысления архитектурного наследия 1920–1940-х гг. в нашей стране и в мире. Победа в конкурсе на проект Дворца советов работы Б.М. Иофана в 1932 году обозначила поворот в истории архитектуры XX века, который до сих пор вызывает полемику. Эклектичное здание, соединившее классическую монументальность и утопическое видение города, демонстрирует многоплановый характер мастера. Проект не был реализован, но стал противоречивым символом своей эпохи. Биография архитектора выделяет его среди современников: после учебы и работы в Одессе, Петербурге, Риме и Москве, не примкнув ни к одному из архитектурных объединений и течений, он оказался ключевым участником важнейших архитектурных событий своего времени.

Наследие Б.М. Иофана актуализирует многие вопросы и дилеммы истории архитектуры XX века – взаимодействия классической парадигмы и авангарда, феномена «тоталитарного искусства», особенностей архитектурного образования и его реформы, роли архитектуры в международных отношениях в преддверии Холодной войны. Радикальное изменение стилистической ориентации от авангарда к «критическому освоению наследия», вопрос о том, был ли этот поворот естественным процессом, а также роль в нем самого Иофана, – все эти проблемы сегодня находят новые интерпретации, в том числе в контексте осмысления художественного наследия советского периода, а также понимания норм и подходов к сохранению и реставрации наследия 1920–1940-х годов.

Оргкомитет

The 130th anniversary of Russian and Soviet architect Boris Iofan (1891–1976) provides an opportunity to reflect further on the architectural heritage of the interwar period. The Iofan's most famous work, the Palace of Soviets in Moscow, a project that won the international competition in 1932, marked a turning point in the history of the 20th century architecture while also provoking contradictory opinions. The eclectic project, which mixed classical monumentality with a utopian image of the city, reflected the multifaceted profile of its author. The biography of the architect, who had studied and worked in Odessa, St. Petersburg, Rome, and Moscow, distinguished him from his contemporaries. In fact, without joining any of the established architectural associations and trends, he succeeded in developing projects that soon prompted a fervid debate on architecture.

Iofan impersonalizes many questions and dilemmas of the history of the 20th century architecture: his interaction with proponents both of the classical paradigm and the avant-garde; the phenomena of 'totalitarian art and 'difficult heritage'; the peculiarities related to architectural education and its reform, and the role of architecture in international relations on the eve of the Cold War. The radical change in stylistic orientation from the avant-garde to the 'critical assimilation of heritage' in Soviet art and architecture, its reasons and background as well as Iofan's own role in this change – all these problems are being reinterpreted today. The change in views on the artistic heritage of the interwar period in the U.S.S.R. and in the West and on the elaboration of norms and approaches to restoration, suggest new ways of considering the art and architecture of the 1920s and the 1940s.

Organizing committee

I

Роль Б.М. Иофана в архитектуре СССР

The Role of Boris Iofan in the architecture in USSR

I

Патти Федерика, архитектор, преподаватель, независимый исследователь, Турин, Италия

Борис Иофан 1914–1924. Итальянский период: ключевой элемент в его карьерном росте в Москве

Patti Federica, architect, teacher, independent scholar, Turin, Italy

Boris Iofan 1914–1924. The Italian years: training, socializing and professional consolidation

Язык - Language: английский - English

Борис Иофан – одна из главных фигур в истории архитектуры сталинского периода. Несмотря на данные в существующей литературе, Иофан сыграл важную роль в истории советской, а во многом и мировой архитектуры. Известный почти исключительно своей победой в конкурсе 1932 г. на проект Дворца Советов – упоминаемого в немногих строках и заметно упрощенно во многих описаниях истории архитектуры, Иофан редко привлекает внимание исследователей своим итальянским периодом (1914-1924), на самом деле решающим для формирования его блестящей карьеры после переезда в Москву в 1924 г.

Иофан получил образование в Одессе (1912), работал в Санкт-Петербурге вместе с братом Дмитрием (1912-1914), завершил обучение в Академии Художеств в Риме, где учился у таких выдающихся профессионалов, как Манфредо Манфреди, Арнальдо Фоскини, Джулио Маньи, Густаво Джованнони. Он получил диплом в 1916 г. и, благодаря своему другу, инженеру Джулио Баруччи, был представлен в римском высшем свете, где познакомился с Армандо Бразини, с которым некоторое время сотрудничал. Он работал с разными профессионалами, имел тесные контакты со строительными кооперативами, создал проект кладбища Нарни и, в целом, начал серию проектов, в том числе важных – среди них электростанция в Тиволи и проект Российского посольства в Риме.

Итальянский период характеризуется обретением богатого профессионального опыта и установлением крепких связей с римским высшим обществом, российской колонией в Риме и Итальянской коммунистической партией, в которую он вступил в 1922 г.

Таким образом, римский опыт становится не только ключевым элементом переосмысления стилистических кодов Иофана, сегодня связываемых с огромным влиянием Бразини, но и значительным полем пересечения многочисленных и тесных отношений между Италией и Россией (а позднее Советским Союзом), оказавшихся решающими для его персональной карьеры, и именно это привело его к тому, чтобы стать архитектором, наиболее приближенным к сталинскому правительству.

Boris Iofan is one of the main protagonists of the history of architecture of the Stalinist period. In spite of information in existing literature, Iofan was of considerable importance in the history of Soviet architecture; internationally in many ways. Known almost exclusively for having won the 'Palazzo dei Soviet' competition in 1932 – mentioned with a few lines and an account simplified by the main stories of architecture – little is said of Iofan and the Italian period (1914-1924) which was actually decisive for his dazzling career rise when he moved to Moscow in 1924.

Iofan graduated in Odessa (1912), worked in St. Petersburg with his brother Dimitri (1912-1914), and completed his training at the Academy of Fine Arts in Rome where he studied with such prominent personalities as Manfredo Manfredi, Arnaldo Foschini, Giulio Magni, Gustavo Giovannoni. He graduated in 1916, and, thanks to his friend, engineer Giulio Barucci, was introduced to the Roman high society where he met Armando Brasini, with whom he has worked for a short time. He collaborated with various professionals, had strong ties to construction cooperatives, realized the Narni Cemetery and, in

general, started series of projects, including important ones, among which the Tivoli Power Plant and the project for the Russian Embassy in Rome.

The Italian period was characterized by a rich professional experience as well as strong relations with the Roman high society, the Russian colony present in Rome and the Italian Communist Party which he joined in 1922.

The experience in Rome is, therefore, configured not only as a decisive element for reconsidering Iofan's stylistic codes, today attributed to Brasin's sole influence, but as an important passage that intersects numerous and fervent relations between Italy and Russia (and the Soviet Union later on) crucial for his professional career, so much as to lead him to be the architect closest to Stalin's power.

2 Флирл Томас, Институт истории и теории архитектуры и градостроительства Баухауз, Веймар, Германия *Протест Ле Корбюзье и CIAM против результатов второго тура конкурса на Дворец Советов (май – июнь 1932 г.)*

Flierl Thomas, Bauhaus Institute for the History and Theory of Architecture and Planning, Weimar, Germany
The protest of Le Corbusier and CIAM against the results of the 2nd round for the Palace of Soviets (May/June 1932)

Язык - Language: английский - English

В рамках моего исследования о несостоявшемся IV Конгрессе CIAM в Москве я интенсивно занимался историей конкурса на Дворец Советов. Я хотел более точно понять конкретную ситуацию, в которой весной 1932 Ле Корбюзье и CIAM направили свои протесты против исхода второго этапа конкурса. Представители CIAM и Ле Корбюзье писали письма Сталину, Луначарскому и Любимову. Ко второму письму Сталину был приложен фотомонтаж.

В докладе реконструируется концепция процедуры конкурса, предложенная Борисом Иофаном в феврале 1931 года, и обстоятельства принятого тогда решения о приглашении иностранных архитекторов к участию во втором туре.

После того, как в феврале 1932 года были объявлены результаты второго этапа, во время заседания исполнительного комитета CIRPAC в апреле 1932 года в Барселоне возникло большое волнение. Ле Корбюзье внес на рассмотрение проект резолюции, призывающий к отмене съезда CIAM в Москве. Однако содержание посланных затем писем было смягчено.

Ле Корбюзье переписывался с Луначарским и пытался встретиться с ним в Женеве, где Луначарский возглавлял советскую делегацию на конференции по разоружению. При этом сам Луначарский был вовлечен в процесс конкурса. Он выступал в своих лекциях и эссе за отказ от резкого противопоставления пассеистов и футуристов, противостоя Жолтовскому и Ле Корбюзье и, таким образом, искусно проложил путь Иофану. Неожиданно в последний момент Ле Корбюзье был заменен на Гектора Гамильтона и выбыл из игры, что разрушило изящное «диалектическое» решение Луначарского. Это указывает на то, что решение было принято на самом верху. И оно было справедливо истолковано как направленное против «современной архитектуры» в целом. Кроме того, если и планировалось назначить одним из победителей иностранца, то предпочтительным был не Ле Корбюзье, а Гамильтон, которого лоббировал Альберт Кан. Тем более, что речь шла об установлении дипломатических отношений между СССР и США.

Ни события в Барселоне, ни вклад Луначарского в продвижение Бориса Иофана, ни переписка между Луначарским и Ле Корбюзье, не были до сих пор предметом специального исследования.

As a part of my research on the unrealized 4th Congress of the CIAM in Moscow, I was intensely involved in the history of the competition for the Palace of Soviets. I wanted to understand more precisely the specific situation in which Le Corbusier and CIAM sent their protests against the outcome of the second round of the competition in the spring of 1932. CIAM and Le Corbusier wrote letters to Stalin, Lunacharsky, and Lyubimov. The second letter to Stalin was accompanied by a photomontage. The lecture reconstructs the conception of the competition procedure by Boris Iofan in February 1931 and the circumstances of the decision made then to invite foreign architects to the second round of the competition.

After the announcement of the result of the second round in February 1932, there was great excitement during the meeting of its executive committee CIRPAC in Barcelona in April 1932. Le Corbusier introduced a draft resolution calling for the cancellation of the CIAM Congress in Moscow. However, the letters then sent were toned down in content.

Le Corbusier corresponded with Lunacharsky and tried to meet him in Geneva, where Lunacharsky was leading the Soviet delegation to the disarmament conference. In the process, Lunacharsky himself was involved in the matter. He had spoken out in lectures and essays for the abolition of the extreme opposition of Passéists and Futurists, confronting almost exclusively Zholtovsky and Le Corbusier, and thus paved the way for Iofan, not without skill! But against his will and at the last

moment Le Corbusier was replaced by Hector Hamilton as one of the three prize winners – Le Corbusier dropped out. Thus, Lunacharsky's elegant 'dialectical' solution was shattered. This indicates a 'supreme' power decision. Probably rightly, this decision was interpreted as being directed against New Building as a whole. And: if a foreigner was to be considered, then rather Hamilton, who was said to have been sponsored by Albert Kahn, than Le Corbusier. After all, it was about the establishment of diplomatic relations between the U.S.S.R. and the U.S.A.

Neither the events in Barcelona, nor Lunacharsky's part in the placement of Boris Iofan and the correspondence of Lunacharsky and Le Corbusier have been the subject of research so far.

3 Броницкая Анна Юлиановна, Институт модернизма, Москва
Поворот на 180 градусов: конкурс 1957–1959 гг. на Дворец Советов
Bronovitskaya Anna, Institute of Modernism, Moscow
The radical turn: the competition of 1957–1959 for the Palace of Soviets
Язык - Language: русский - Russian

Архитектурно-строительная реформа середины 1950-х годов поставила советских архитекторов перед необходимостью найти для знаковых сооружений новый стиль, способный транслировать ценности пост-сталинского, модернизирующегося социалистического государства. Как и при предыдущем переломе начала 1930-х годов, важнейшим инструментом стилистических поисков стал конкурс на проект Дворца советов.

Новый, «оттепельный» Дворец Советов ничем не должен был напоминать утвержденный в 1934 году проект Иофана, Щуко и Гельфрейха, идейно-художественный замысел которого был объявлен «ложным», а объемно-пространственная композиция «надуманной». Здание-монумент было разделено на две части — собственно здание высших органов власти и монумент Ленину, на который был объявлен отдельный конкурс. Чтобы максимально отмежеваться от «сталинского» образа Дворца, символизирующего предельную централизацию власти, был выбран новый участок – на Юго-Западе Москвы, за зданием Университета; памятник Ленину предполагалось разместить на бровке Ленинских гор.

Существенным отличием от конкурса 1931–1934 годов был характер дискуссии: в 1957–1959 годах участвовавшие в обсуждении архитекторы свободно высказывали свои соображения о разных проектах. Владимир Симбирцев даже позволил себе заявление о том, что старый проект дворца был лучше, и посоветовал взять из него хотя бы зал с куполом, а главное, не упускать возможности обновить центр Москвы, построив Дворец советов на прежнем месте возле Кремля. Архивные материалы показывают, как происходил переход от попыток сохранить основы привычной архитектуры, очищенной от «излишеств», к приятию модернистского языка.

В задании на проектировании было указано, что дворец «должен быть решён в духе благородной простоты, выражающем демократизм эпохи социализма». Первый тур конкурса, проходивший в 1957–58 годах, собрал 21 заказной проект, 115 «девизных» и многочисленные предложения трудящихся. Среди маститых участников конкурса 1957 года могут быть названы такие знаковые для историка архитектуры имена, как И.В. Жолтовский, К.С. Мельников, Г.Б. Бархин, Б.М. Иофан, В.К. Олтаржевский, Л.М. Поляков, А.Н. Душкин и др., среди молодых были будущие звезды советского модернизма – А.Д. Меерсон, Я.Б. Белопольский, В.С. Егеров, Ф.А. Новиков, И.А. Покровский, В.В. Лебедев и другие. Несмотря на представительный пул участников, конкурс проявил растерянность советских архитекторов в новых обстоятельствах – большинство проектных предложений представляли собой «гибриды» между монументальностью и декоративностью и чертами модернистской архитектуры. Однако, как отмечали авторы книги о конкурсе, опубликованной в 1961 году, уже первый тур «помог уяснить общую направленность советской архитектуры на современном этапе и наметить дальнейшие пути ее развития».

В первом туре наибольшее внимание привлек новаторский проект Александра Власова, в котором Дворец был представлен в виде одноэтажного, «распластанного» по горизонтали призматического объёма с плоской кровлей, прозрачными стеклянными стенами, и тремя овальными в плане залами заседаний, окруженными фойе с зимним садом. Во втором туре конкурса, состоявшемся в 1959 году, все шесть приглашенных команд «работали под Власова».

В критике конкурсных проектов Дворца Советов были сформулированы критерии, уточнившие контуры новой советской архитектуры. Так, популярные до того момента ряды пилонов были объявлены архаичным приемом, неодобрение стал вызывать и купол. Желательными качествами названы обилие света, легкость форм, проявление в композиции крупных залов, отражение свойств новых конструкций и материалов. Лаконичность и цельность видятся новым средством достижения монументальности. Свободная форма плана, асимметричная объемно-пространственная композиция и сплошное остекление «приводят к тому, что Дворец Советов становится похожим на Дворец культуры или спорта,

клуб или выставочное сооружение», то есть подходят для общественных зданий, кроме самых значительных. Отмечается важность синтеза искусств, причем новаторским называется размещение живописных композиций на фасаде.

The architectural-construction reform of the mid-1950s put Soviet architects at the necessity to find out a new style for key projects, which would be able to translate values of the post-Stalinist modernizing Socialist state. As it was at the previous turn of the early 1930s, the most important tool for stylistic searches was the competition on the Palace of Soviets project. The new 'Thaw' Palace of Soviets was to differ radically from the accepted project of 1934 made by Iofan, Shchuko and Gel-freich; the ideological and artistic concept of the previous project was declared 'false', and its volume and spatial composition was called 'far-fetched'. The building-monument was divided into two parts – the building of the higher power and the Lenin monument, and there was a separate competition on that monument. To dissociate themselves as much as possible from the 'Stalinist image' of the Palace symbolizing the extreme centralization of power, they chose a new construction plot on the south-west of Moscow, beside the University building; the Lenin monument was to be placed at the edge of the Leninskie Mnts. A significant difference from the 1931-1934 competition was the nature of the discussion: in 1957-1959, the architects participating in the dispute freely expressed their views on various projects. Vladimir Simbirtsev even allowed himself to declare that the old project of the Palace was better, and advised to take from it, at least, a cupola hall, and, most importantly, not to miss an opportunity to renovate the centre of Moscow setting the Palace of Soviets on the previously chosen place near the Kremlin. The archival materials show the process of transition from some attempts to preserve the basics of the familiar architecture, purified of 'excesses', to the acceptance of the modernist language.

The design assignment stated that the Palace "should be designed in the spirit of noble simplicity, expressing the democracy of the Socialist era". The first round of the competition, which took place in 1957–1958, brought together 21 custom projects, 115 'motto' projects, and numerous proposals from common people. In 1957, among the venerable participants, there were such iconic names for an architectural historian as I.V. Zholtovsky, C.S. Melnikov, G.B. Barkhin, B.M. Iofan, V.K. Oltarzhevsky, L.M. Polyakov, A.N. Dushkin, and others; among the young participants, there were the future stars of Soviet modernism: A.D. Meerson, Ya.B. Belopolsky, V.S. Egerev, F.A. Novikov, I.A. Pokrovsky, V.V. Lebedev, and others. Despite the representative pool of participants, the competition showed the confusion of Soviet architects in the new circumstances – most of the project proposals were 'hybrids' between monumentality and decorative approach and features of modernist architecture. However, as the authors of the 1961 book about the competition noted, the first round "helped to understand the general direction of Soviet architecture at the present stage and to outline further ways of its development".

During the first round, the main attention was caught by the innovative project by Alexander Vlasov, according which the Palace was presented as a one-storey, horizontally spread, prismatic volume with a flat roof, transparent glass walls, and three oval meeting halls surrounded with a foyer with a winter garden. In the second round of the competition (1959), all six invited teams worked 'after Vlasov'. In the criticism on the competitive projects of the Palace of Soviets, they formulated criteria that clarified the contours of the new Soviet architecture. So, the rows of pylons, which were popular until that time, were declared an archaic approach, and the dome was evaluated with certain disapproval. Desirable qualities included an abundance of light, lightness of forms, large halls in the general composition, some reflection of the properties of new structures and materials. Laconicism and integrity were seen as new means of achieving monumentality. An easy form of the plan, asymmetrical volumetric-spatial composition and continuous glazing "lead to the fact that the Palace of Soviets becomes similar to a Palace of Culture or Sports, a club or an exhibition building", i.e., they are suitable for public buildings, except for the most significant ones. The importance of the synthesis of arts was noted, and the placement of pictorial compositions on the façade was called innovative.

- 4 Косенкова Юлия Леонидовна, НИИТИАГ, Москва
Интерпретация темы "высотности" в советском градостроительстве 1940-х - начала 1950-х гг
Kosenkova Yulia, Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban planning
The interpretation of the concept of "high-building" in the Soviet urban planning of 1940-1950s
Язык - Language: русский - Russian

Тема высотности как одно из действенных средств формирования образа советского города, приобрела необычайную актуальность в 1930-е гг. и была активно подхвачена и развита в послевоенное десятилетие. Она была непосредственно связана с формированием, в ходе разработки генплана Москвы 1935 г., концепции, которую можно назвать «весь город-ансамбль». В ходе послевоенного восстановления советское градостроительство развивалось под влиянием двух противоположных тенденций: стремления к художественной целостности и универсальной свержупо-

рядочности всего пространства города, понимаемого как единый ансамбль. Город при этом рассматривался как средство для предъявления политических идей социального благополучия и экономического процветания; деструктивного по своему характеру формирования городской территории как совокупности поселков при промышленных предприятиях. Долгосрочные перспективы развития городов при этом постоянно менялись вследствие многократной корректировки плановых решений, принимавшихся в народно-хозяйственной сфере.

Проектирование восстанавливаемых городов в 1943–1946 гг., в особенности их центров, начиналось с создания проектов монументов Великой Отечественной войны. Они послужили тем образно-смысловым ядром, которое, развиваясь пространственно и усложняясь композиционно, определяло собой главное в архитектуре восстанавливаемых городов. В профессиональном сознании тех лет абсолютная смысловая доминанта 1930-х гг. – Дворец Советов – вступала в композиционный спор с мемориалом Победы.

Сложившаяся в практике система ведомственного финансирования застройки городов постепенно приводила к тому, что реконструкция города стала пониматься как строительство крупных общественных «зданий-символов». Прецедент, как известно, был создан проектированием и строительством высотных зданий в Москве. Дворец Советов, в качестве композиционной поддержки которого и задумывались высотные здания, в это время не строился, а Б.М. Иофан подвергался жесткой критике в ходе кампании «борьбы с низкопоклонством перед Западом». Тем не менее, московские высотные здания сразу вошли в арсенал клишированных образов, эксплуатировавшихся всей советской архитектурой, слившись по смыслу с непостроенным Дворцом Советов. Во многих городах строились Дома Советов, по возможности имитировавшие «высотность» композиционными средствами. Такая универсализация образа высотных зданий была связана не только со стремлением восстановить утраченный в ходе сноса архитектурных памятников силуэт города, но и с переменной знаков в культурной политике государства. Москва становилась идеалом как символ «исконно русских» градостроительных традиций, в отличие от «западного» Петербурга, а строительство высотных зданий – символом приобщенности послевоенного зодчества к этим традициям.

The topic of altitude as one of the most effective means of shaping the image of a Soviet city acquired extraordinary relevance in the 1930s; and it was actively picked up and developed in the post-war decade. In the course of development of the general plan of Moscow in 1935, it was directly related to the formation of the concept, which can be called “the whole city-ensemble”. During the post-war reconstruction, Soviet urban planning was developed under the influence of two opposite tendencies: the desire for artistic integrity and the universal over-orderliness of the entire city space, understood as a single ensemble. At the same time, the city was seen as a vehicle for presenting political ideas of social well-being and economic prosperity, and the destructive in nature, formation of an urban area as a set of settlements at industrial enterprises. The long-term prospects for the development of cities were constantly changing due to repeated adjustments to planning decisions made in the national economic sphere.

The design of the cities to be restored in 1943-1946, especially their centres, was started with the creation of projects of the monuments for the memory of the Great Patriotic War (WWII). They served as the figurative and semantic core, which, developing spatially and becoming more complex compositionally, determined the main aspects in the architecture of the cities being restored. Those years, in the professional consciousness, the absolute semantic dominant of the 1930s – Palace of the Soviets - entered into a compositional dispute with the Victory Memorial.

The system of departmental financing of urban development, that took shape in practice, gradually led to the fact that the reconstruction of cities was understood as the construction of large public ‘symbolic buildings’. A well-known precedent was set by the design and construction of high-rise buildings in Moscow. The Palace of Soviets, for which the high-rise buildings were conceived as a compositional support, was not built at that time, and B.M. Iofan was subjected to harsh criticism during the campaign “to combat sycophancy before the West”. Nevertheless, Moscow high-rise buildings immediately entered the arsenal of clichéd images used by the entire Soviet architecture, merging in meaning with the unbuilt Palace of Soviets. In many cities, Houses of Soviets were constructed, imitating the ‘altitude’ with compositional tools. Such a universality of the image of high-rise buildings was associated not only with the desire to restore the silhouette of the city lost during the demolition of architectural monuments, but also with the change of leading signs in the cultural policy of the state. Moscow became an ideal as a symbol of “the primordially Russian” urban traditions, in contrast to the “western” Petersburg, and the construction of high-rise buildings became a symbol of the post-war architecture’s adherence to these traditions.

II

Вокруг Иофана: проблемы изучения и сохранения архитектуры 1920—1950-х гг.

Around Iofan: problems of study and conservation of the 1920–1950s architectural legacy

I Костюк Мария Александровна, Музей архитектуры им. А.В. Щусева им. А.В.Щусева, Москва

Борис Иофан. До и после Дворца советов

Kostyuk Maria, Schusev State Museum of Architecture, Moscow

Boris Iofan. Architect behind the Palace of Soviets

Язык - Language: русский - Russian

Доклад посвящен книге «Борис Иофан. До и после Дворца Советов. Берлин: DOM publishers, 2019». Борис Иофан широко известен как автор проекта знаменитого Дворца Советов. Однако в своем творчестве архитектор не ограничивался доминирующим в то время стилевым направлением модернизированного неоклассицизма. Можно с уверенностью говорить о том, что архитектурный язык Бориса Иофана менялся и развивался на протяжении всей его жизни, от ранних итальянских проектов, тяготеющих к традиции и ордерной архитектуре, через свое личное переосмысление авангарда к пластической выразительности и монументальности 1930-х и, наконец, до новаций в применении бетонных панелей в строительстве жилых домов 1960-1970-х годов. Архитектор шёл путём поиска универсального художественного языка, сочетавшего в себе освоение исторического опыта, поиски новых форм, тектоническую логику геометризованных деталей, пластическую выразительность композиционных построений, взаимодействие с живописными и скульптурными включениями, апелляцию к эмоциональному восприятию зрителя. В его постройках получил рождение новый путь взаимодействия и согласования традиции и новаторства в поисках индивидуального стиля. Борис Иофан искал идеальное созвучие современности в архитектуре, способной с достаточной выразительностью говорить о своём времени как об эпохе. В монографии представлены архивные фотографии, чертежи и эскизы из собрания Музея архитектуры имени А.В. Щусева, которые помогут проследить за взлетами и падениями творческого пути легендарного архитектора на протяжении почти шести десятилетий. В издание также вошли статьи международных экспертов: архитектора, профессора Миланского технического университета Алессандро де Маджистриса и архитектора и историка архитектуры Федерики Патти. Тексты изданы в переводе историка искусства Анны Вяземцевой. Материалы, посвященные последнему периоду творчества Бориса Иофана, подготовлены при участии главного научного сотрудника отдела хранения архитектурно-графических фондов XX-XXI вв. Музея архитектуры имени А. В. Щусева Елены Желудковой.

The paper is dedicated to the story of the book 'Boris Iofan. Architect Behind the Palace of Soviets'. Berlin: DOM Publishers, 2019. Boris Iofan is well-known as the author of the project of the famous Palace of Soviets. However, in his work, the architect did not confine himself to the dominant style of modernized Neoclassicism of that time. We can say that the architectural language of Boris Iofan was transformed and developed throughout his life, from early Italian projects gravitating towards tradition, through his personal reconsideration of avant-garde to the plastic expressiveness and monumentality of the 1930s and, finally, before innovations in the use of concrete panels in the construction of residential buildings in the 1960s and 1970s. The architect went through the search for a universal artistic language that combined the development of historical experience, the search for new forms, the tectonic logic of geometrized details, the plastic expressiveness of compositional constructions, the interaction with pictorial and sculptural inclusions, and an appeal to the emotional perception of the viewer. In his projects, a new way of interaction and reconciliation of tradition and innovation was born in search for an individual style. Boris Iofan was looking for the ideal consonance of modernity in architecture, capable of speaking with sufficient expressiveness about his time as a certain era. The monograph contains archival photographs, drawings and sketches from the collection of the Schusev State Museum of Architecture; it will help to trace the ups and downs of the creative path of the legendary architect for almost six decades. The publication also includes articles by international experts: architect, Professor of the Technical University of Milan, Alessandro de Magistris, and architect and architectural historian Federica Patti. The texts were published in translation by the art historian Anna Vyazemtseva. Materials devoted to the last period of Boris Iofan's work were prepared with the participation of the Chief Researcher of the Schusev State Museum of Architecture Elena Zheludkova.

- 2 Вронская Алла Генриховна, Университет Касселя, Германия
Вне героев и жертв: к вопросу о границах свободы (творчества) в межвоенном СССР
Alla Vronskaya, Kassel University, Germany
Beyond heroes and victims: Reconsidering (creative) agency in the interwar Soviet Union
Язык - Language: русский - Russian

Насколько этично, перефразируя знаменитое высказывание Теодора Адорно о том, что писать стихи после Освенцима, — это варварство, писать историю советской архитектуры 1930-х годов – периода нарастающего террора и тоталитаризма? Как может история советской архитектуры этого времени быть чем-то большим, чем рассказ о терроре, которому способствовал “китч”? Как историк архитектуры, чья работа посвящена архитектурной теории межвоенного периода, я часто оказываюсь с необходимостью отвечать на подобные аргументы, чтобы отстаивать право архитектурной истории сталинского периода на существование -- существование отдельное от истории массовых репрессий, но не в отрыве от нее. Ибо последнее не только оправдывало бы сталинизм, но и замутняло бы значение архитектуры в истории общества. Как пройти по этой тонкой методологической линии? Чтобы ответить на этот вопрос, я предлагаю проблематизировать общепринятое представление о свободе архитектора, предлагая нарушить обманчиво простую оппозицию между якобы неограниченной творческой свободой и полной пассивностью жертвы политического террора. По словам Бетти Глан, первого директора Центрального парка культуры и отдыха в Москве, которая провела восемнадцать лет в системе ГУЛАГа после ареста в 1937 году: “Нельзя сводить жизнь, и не только нашу, но и жизнь всего поколения, к одному, пусть даже глубоко трагическому году. Как будто мы интересны только тем, что пережили 1937 год [...]. Сегодня ясно, что яркие и сильные люди были уничтожены. Напишите о том, что сделало их такими”. Только уважая свободу действий архитектора в тоталитарной среде и одновременно понимая границы этой свободы, учась читать между строк, историк может заметить архитектуру за китчем и смысл – за формой.

How ethical is it, to paraphrase Theodore Adorno's famous saying that writing poetry after Auschwitz is barbaric, to write a history of Soviet architecture of the 1930s — the period of growing terror and totalitarianism? How can architectural history be anything more than an account of terror supported by the production 'kitsch'? As an architectural historian whose work focuses on architectural theory of the interwar period, I often find myself responding to such arguments and defending the right of architectural history of the Stalinist period to exist — to exist independently of the history of mass repressions, yet, without forgetting about it. For doing the latter would not only excuse Stalinism but also obscure architecture's original meaning. How is this fine methodological line to be walked? To answer this question, I will problematize the received notion of the architect's agency, suggesting to disrupt the deceptively simple opposition between the alleged unlimited creative freedom and the total passivity and objectification of the victim of political terror. In the words of Betty Glan, the long-term director of the Central Park of Culture and Leisure in Moscow, who spent eighteen years in the GULAG system following her arrest in 1937, “One cannot reduce life, and not only ours but the life of the entire generation, to one, even if deeply tragic, year. As if we were interesting only insofar that we survived 1937 [...]. It is clear today that bright and strong people were destroyed. Write about what made them such”. Only respecting the agency of the architect operating in a totalitarian environment while simultaneously understanding this agency's limits, learning to read between the lines, can a historian find architecture behind kitsch and meaning — behind the form.

- 3 Чон Да Хён, Институт Истории Искусства Университета Нью-Йорка, США, аспирант
Борис Иофан и позднесоветская историзация архитектуры реализма
Da Hyung Jeong, New York University - Institute of Fine Arts, USA, Ph.D. fellow
Boris Iofan and the late Soviet historicization of socialist realist architecture
Язык - Language: английский - English

Примечательным аспектом советской архитектурной историографии является реабилитация социалистического реализма. Оценка стиля, представленная в каталоге советской выставки на Венецианской архитектурной биеннале 1991 г., гласит: «В настоящее время развитие архитектуры в любом случае связано с реанимацией исторической памяти. Вот почему опыт 1930 – 1950-х гг. сегодня так интересен – хорошо известно, что даже опыт с отрицательным результатом способствует творческой практике». В конце 1970-х гг. произошел важный историографический

сдвиг, заложивший основу для этой реабилитации. Изначально являвшаяся панегириком модернистского авангарда, серия книг «Мастера архитектуры» в 1978 г. уделила внимание А.В. Щусеву, тогда же была опубликована книга И.Ю. Эйгеля «Борис Иофан». В предисловии к монографии Эйгеля А.В. Рябушин выявляет «параллели и аналогии» между «концептуальными подходами и принципами», принятыми Иофаном, Щусевым и другими, – и теми, которых придерживаются современные автору советские архитекторы, убежденные в невозможности «архитектуры вообще» и в необходимости для архитектуры «генерировать образы жизни советского народа, его традиций и культуры». Критика бесхарактерной, аскетичной архитектуры, проводимая Рябушиным и Эйгелем, предлагает сравнение с западным постмодернистским дискурсом, особенно с критическим регионализмом, что обретет особый интерес в свете того, что такие выдающиеся архитекторы, как Альдо Росси и Паоло Портогези, открыто признавали, что черпают вдохновение из архитектуры советского социалистического реализма.

A notable aspect of late Soviet architectural historiography is the rehabilitation of Socialist Realism. The following assessment of the style, which appeared in the catalogue for the Soviet exhibition at the 1991 Venice Architecture Biennale, is telling: "At present, architectural development is in any case linked with the reanimation of historical memory. That is why the experience of the 1930s-1950s... is so interesting today — it is well known that even an experience with negative results enters on the credit side of creation practice." In the late 1970s, an important historiographical shift occurred and set the stage for this rehabilitation. Originally a panegyric on the modernist avant-garde, the book series Masters of Architecture (Mastera arkhitektury) focused its attention on A. V. Shchusev in 1978, the year that also saw the publication of I. Iu. Eigel's Boris Iofan. In his preface to Eigel's book, A. V. Riabushin discerned "parallels and analogies" between the "conceptual approaches and principles" adopted by Iofan, Shchusev and others and those that today's Soviet architects, convinced of the impossibility of "architecture in general" (arkhitektura voobshche) and the necessity of architecture "generating images of the life of each Soviet nation, its tradition and culture" (obrazy zhizni naroda, ego traditsii, kul'tury), seemed poised to adopt. The critique of characterless, ascetic architecture mounted by Riabushin and Eigel invites comparison to Western postmodern discourse, particularly critical regionalism, especially given that luminaries like Aldo Rossi and Paolo Portoghesi openly admitted inspiration from Soviet Socialist Realist architecture.

III

Архитекторы в СССР в 1920-1940-е: общее и локальное Architects in USSR in 1920-1940s: general and local

- I Басс Вадим Григорьевич, Европейский Университет, Санкт-Петербург
История советской архитектуры за тридцать лет: ленинградская версия
Bass Vadim, European University, Saint-Petersburgh
Thirty years of the History of Soviet Architecture: Leningrad Version
Язык - Language: русский - Russian

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов в рамках работ Академии архитектуры были доведены до состояния текстов первые большие проекты по истории русского и советского зодчества. Работы эти имели характер крупного историографического и отчасти политического предприятия, они тянулись годами и включали собственно редакционные занятия, подготовку текстов, рецензирование, неоднократные обсуждения в профессиональных кругах. Подготовка фундаментальных трудов занимала столько времени, что расстановка акцентов, подбор сюжетов, персоналий и объектов, даже периодизация архитектурной истории корректировались от версии к версии в соответствии с изменениями в художественной политике, с идеологическими кампаниями и проч. В докладе речь идет про один из таких проектов – «Краткий курс истории советской архитектуры». На рубеже десятилетий этот курс активно обсуждается в Ленинградском филиале Академии архитектуры наряду с другими коллективными трудами (напр., «Кратким

курсом истории русской архитектуры»). Ленинградских авторов также привлекали к написанию соответствующих разделов больших исторических курсов. В основу доклада легли материалы этих обсуждений из собрания ЦГАЛИ СПб, а также экземпляр «Краткого курса истории советской архитектуры» с рецензией Н.Ф. Хомуцкого и другие архивные источники. В них нашла отражение и специфика ленинградской и московской архитектурно-исторических школ, и конкуренция исследователей, и особые представления о месте ленинградских сооружений и мастеров в истории советской архитектуры. Кроме того, среди исследовательских тем, над которыми работали сотрудники ленинградского филиала академии, была, например, «Критика проявлений формализма в теории и практике советской архитектуры (на примерах творческой практики ленинградских архитекторов)». Эти и другие материалы позволяют реконструировать особенности «ленинградского взгляда» на историю межвоенной и ранней послевоенной архитектуры, взгляда, отчасти отличного от «москвоцентричной» перспективы, характерной для столичных исследователей. В текстах, докладах, обсуждениях 1940-х – начала 1950-х налицо сложная сумма меняющихся оценок архитектуры предыдущих десятилетий, от осторожных попыток «профессиональной реабилитации» конструктивизма на волне военного и раннего послевоенного смягчения контроля и до окончательного закрепления «исторического канона» советской архитектуры в ходе кампании по борьбе с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом.

In the second half of the 1940s – early 1950s, within the framework of the activity of the Academy of Architecture, the first large projects on the history of Russian and Soviet architecture were completed to the level of texts. Those works were of the type of a major historiographic and partly political enterprise; they had been developing for years and included editorial work, composing texts, reviewing, and repeated discussions among specialists. The preparation of fundamental works took so much time that setting accents, selection of subjects, personalities, and objects, even the periodization of architectural history were adjusted from version to version in accordance with changes in the artistic policy, with ideological campaigns, etc. The report deals with one of those projects – ‘A Short Course in the History of Soviet Architecture’. At the turn of the decades, that course was actively discussed at the Leningrad Branch of the Academy of Architecture, along with other collective works (for example, ‘A Short Course in the History of Russian Architecture’). Leningrad authors were also involved in writing the corresponding sections of large history courses. The report is based on the materials of those discussions from the collection of the Central Archive for Literature and Art, St. Petersburg, a copy of ‘A Short Course in the History of Soviet Architecture’ with a review by N.F. Khomutetsky, and other archival sources. They reflect the specifics of the Leningrad and Moscow architectural and historical schools, the competition of researchers, and certain ideas about the place of Leningrad buildings and masters in the history of Soviet architecture. In addition, among the research topics that the employees of the Leningrad Branch of the Academy worked on, there was, for example, ‘Criticism of the Manifestations of Formalism in the Theory and Practice of Soviet Architecture (on the Examples of the Creative Practice of Leningrad Architects)’. These and other materials make it possible to reconstruct the peculiarities of the ‘Leningrad view’ on the history of the interwar and early post-war architecture, a view that partly differs from the ‘Moscow-centric’ perspective typical for the ‘metropolitan’ researchers. In the texts, reports, discussions of the 1940s and early 1950s, there was a complex sum of changing assessments of the architecture of previous decades, from cautious attempts to ‘professional rehabilitation’ of Constructivism in the wake of the military and early post-war softening of control, to the final consolidation of the ‘historical canon’ of Soviet architecture in the course of the ‘campaign against cosmopolitanism and groveling before the West’.

- 2 Смоленская Светлана Алексеевна, Институт «Харьковская школа архитектуры», Харьков, Украина
Между модернизмом и соцреализмом: творческие судьбы украинских архитекторов
Smolenska Svitlana, Sc.D. (Architecture), Professor, Kharkov, Ukraine
Between Modernism and Socialist Realism: Creative Destinies of Ukrainian Architects.
Язык - Language: русский - Russian

Первенство модернизма в УССР, как и во всем Союзе, было кратковременным. Его расцвет пришелся на 1928 год, когда началось строительство Главпочтамта на Привокзальной площади Харькова по проекту арх. А.Г. Мордвинова. Развернувшиеся в прессе горячие дебаты завершились широким общественным обсуждением: диспутом на тему «О новой и старой архитектуре», на котором современный путь развития столичной архитектуры и украинской – в целом, был определен. Однако итоги известного конкурса на Дворец Советов в Москве оказались губительными для модернизма в Украине. В предлагаемом докладе рассматривается переломный период отступления от принципов модернизма в украинском зодчестве под давлением власти на примере творческих биографий молодых лидеров

ТСАУ (украинского ответвления ОСА), воспитанных на принципах современного движения: Николая Холостенко (Киев), Григория Яновицкого (Харьков) и др. Автор прослеживает деформацию взглядов молодых апологетов украинского модернизма, их творческих принципов вплоть до искажения своих собственных произведений, вынужденное публичное самобичевание в прессе, отказ от новаторских идей и переход на позиции соцреализма. Дается анализ зданий, проекты которых были выполнены в духе модернизма и переделаны уже в процессе строительства (нередко самим авторами) с целью придания им классических черт. Цель статьи – показать взаимоотношения творца и власти, последствия, к которым приводит произвол последней. Исследование основывается на архивных материалах, в т.ч. автобиографических, а также литературных первоисточниках 1920–1950-х годов.

The primacy of Modernism in the Ukrainian S.S.R., as well as in the entire Soviet Union, was short-lived. Its heyday came in 1928, when the construction of the Main Post Office on the Privokzalnaya Square of Kharkov on the base of the project by architect A. Mordvinov was started. The heated debates unfolded in the press were completed in a wide public discussion on the topic 'About new and old architecture', in the course of which the contemporary path of development of metropolitan and Ukrainian architecture was determined in general. The results of the famous competition for the Palace of Soviets in Moscow turned out, however, to be disastrous for Modernism in Ukraine. The proposed report studies the turning point of the deviation from the principles of Modernism in Ukrainian architecture under the pressure of the authorities; it is shown on the example of creative biographies of young leaders of the Ukrainian Branch of the Society of Contemporary Architects, brought up on the principles of the modern movement: Nikolai Kholostenko (Kiev), Grigory Yanovitsky (Kharkov), etc. The proposed report traces the process of deformation of the views and creative principles of young apologists of Ukrainian Modernism up to the distortion of their own works, the forced public self-flagellation in the press, the rejection of innovative ideas, and the transition to the position of Socialist Realism. We give the analysis of buildings designed in the spirit of Modernism but altered in the construction process (often by the authors themselves) in order to give them Classic features. The purpose is to show the relationship between creator and authorities, the consequences of the latter's arbitrariness. The research is based on archival materials, incl. autobiographical ones, as well as literary primary sources of the 1920-1950s.

3   Бальян Карен Владиленович, архитектор, член-корреспондент Международной Академии архитектуры, Москва
Мотивы Дворца Советов в архитектуре монумента Победы в Ереване
Balyan Karen, architect, Corresponding Member of International Academy of Architecture (IAAM), Moscow
Motives of the Palace of Soviets in the architecture of the Monument of Victory in Erevan
Язык - Language: русский - Russian

Монумент с фигурой Сталина был сооружён в Ереване 1950 году (фигура демонтирована в 1962 г.). Автор Монумента – выдающийся мастер национальной архитектуры XX в. Рафаел Израелян. Автор скульптуры – известный скульптор, автор многочисленных памятников советским вождям Сергей Меркуров. Монумент был установлен на возвышенности над Ереваном, замыкая перспективу проспекта Сталина. Композиция общей высотой 51 м состояла из 34-метрового постамента и 17-метровой скульптуры. Скульптура обладала достаточно высокими характеристиками, однако центральная роль в решении композиции принадлежала архитектуре. Монумент представляет собой уникальный пример советской тоталитарной архитектуры, являясь одновременно выдающимся достижением национального зодчества. В решении Монумента, одного из самых своих значительных произведений, Р.Израелян реализовал свой метод новаторской интерпретации формальных и композиционных принципов классической армянской архитектуры. При этом в решении Монумента в Ереване можно обнаружить ряд мотивов идейного и композиционного смысла, присутствующих в известном проекте Дворца Советов, выполненном под руководством Б.М.Иофана. В частности, эти мотивы проявились:

- в архитектурной части, решённой как постамент для скульптуры, но при этом обладающей самостоятельными характеристиками здания;
- в ритмическом решении объемов постамента;
- во внутреннем решении пространства залов, с доминантой вертикальной купольной композиции в главном помещении;
- в широком использовании синтетического соединения архитектуры и различных форм пластических искусств – живописи, скульптуры;
- в пластическом решении форм, характерных для стиля ар-деко;
- в очень высоком расположении скульптуры: Монумент в восемь раз ниже высоты Дворца Советов, но его расположение на возвышенности над городским пространством «уравнивает» скульптуры, обе достигают, в прямом смысле, небес.

Анализ характерных для проекта Дворца Советов идейных и композиционных мотивов, присутствующих в архитектуре Монумента в Ереване, проводится в контексте решения главной идейной и художественной задачи Р.Израеляна – создания национальной архитектуры.

The monument with the figure of Stalin was erected in Yerevan in 1950 (the figure was dismantled in 1962). The author of the Monument was Rafael Israelyan, an outstanding master of national architecture of the twentieth century. The author of the sculpture was a famous sculptor, author of numerous monuments for Soviet leaders Sergei Merkurov. The monument was erected on a hill above Yerevan, closing the perspective of Stalin Avenue. The composition with a total height of 51 m consisted of a 34-meter pedestal and a 17-meter sculpture. The sculpture can be highly evaluated from the artistic point of view, but the central role in the general composition belonged to architecture. The monument was a unique example of Soviet totalitarian architecture, being, at the same time, an outstanding achievement of national architecture. Composing the idea of the monument, one of his most significant works, R. Israelyan implemented his method of innovative interpretation of the formal and compositional principles of classical Armenian architecture. At the same time, in the artistic interpretation of the Yerevan monument one can find a number of motives of the ideological and compositional meaning manifested in the well-known project of the Palace of Soviets worked out under the leadership of B. Iofan. In particular, those motives manifested themselves:

- in its architecture, designed as a pedestal for the sculpture, but, at the same time, possessing independent characteristics of a building;
- in the rhythmic solution of the volumes of the pedestal;
- in the interior solution of the space of the halls, with a dominant vertical domed composition in the main hall;
- the widespread usage of synthetic compounds of architecture and various forms of plastic arts - painting and sculpture;
- in the plastic solution of the forms typical for the Art Deco style;
- in the tall arrangement of the sculpture - the monument was eight times lower than the height of the proposed Palace of Soviets, but its location on the hill above the urban space 'equalizes' the sculptures: both of them 'reach the skies'.

In the report, the analysis of the ideological and compositional motives typical for the Palace of Soviets project, presented in the architecture of the Yerevan monument, is carried out in the context of solving the main ideological and artistic task by R. Israelyan which was the creation of national architecture.

IV

Творчество Бориса Иофана и международные архитектурные связи **Boris Iofan work and international architectural network**

- I Конышева Евгения Владимировна, НИИТИАГ – ЮУрГУ, Челябинск
*Международные связи Союза советских архитекторов в 1930-е гг.:
профессиональный диалог под государственным надзором*
Konysheva Evgeniya, Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban Planning –
South Urals State University, Cheliabinsk
*International Contacts of the Union of Soviet Architects in the 1930s:
Professional Dialogue under State Supervision*
Язык - Language: русский - Russian

В докладе рассматриваются несколько ключевых аспектов: задачи и формы контактов советских архитекторов с зарубежными коллегами и институциями; механизмы и тактики взаимодействия с властными инстанциями относительно международных коммуникаций; конфликтные узлы государственных и профессиональных интересов. Исходный тезис состоит в том, что Союз архитекторов не выступал в международных связях как автономный субъект. Он не имел институциональной самостоятельности в международных коммуникациях, не имел независимости в принятии решений и собственных ресурсов для осуществления проектов. Международные архитектурные контакты Союза санкционировались и контролировались на уровне ЦК ВКП (б), реализовывались через Всесоюзное общество культурной связи

с границей (ВОКС) и координировались Правлением Союза.

Основными формами международного взаимодействия являлись переписка, прием делегаций и отдельных гостей, обмен профессиональной литературой, текстовыми и фотографическими материалами для публикаций в прессе и выставок. Редкой и нерегулярной формой контактов являлось участие в международных мероприятиях – форумах и выставках. Превалировал институциональный характер международных коммуникаций, персональные контакты были минимизированы. Декларировались два ключевых аспекта в международных взаимосвязях – изучение западной практики и обмен опытом и пропаганда достижений советской архитектуры за рубежом. При этом Союз коммуницировал и с традиционалистским, и с авангардным крылом западной архитектуры, и был заинтересован в максимально широком круге контактов и форм сотрудничества, независимо от внутреннего антимодернистского дискурса. Этап наибольшей «открытости» Союза для международных коммуникаций приходился на 1934–1936 гг., достигнув своего пика в 1935 г. и далее затухая с единичными всплесками в 1937 и 1938 – 1939 гг. Приоритетными партнерами, пришедшими на смену Германии, были Франция и США. Существовавший потенциал международного взаимодействия не был реализован из-за конфликта профессиональных и государственных задач. Профессиональные мотивы игнорировались в случае их несоответствия государственным интересам или возможностям. Однако, так же как государство использовало архитектуру и ее творцов в своих политико-идеологических интересах, так и архитектурное сообщество умело пользовалось заинтересованностью государства в том или ином международном проекте для сохранения и расширения трансграничного профессионального диалога.

The paper studies several key aspects: tasks and forms of contacts between Soviet architects and their foreign colleagues and institutions; mechanisms and tactics of interaction with authorities regarding international communications; conflict points of state and professional interests. The initial idea is that the Union of Architects did not act as an autonomous subject in international contacts. It did not have institutional independence in international communications, did not have independence in decision-making and its own resources for implementing projects. International architectural contacts of the Union were sanctioned and controlled at the level of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), implemented through the All-Union Society for Cultural Relations with Abroad (VOKS) and coordinated by the Board of the Union.

The main forms of international interaction were correspondence, reception of delegations and individual guests, exchange of professional literature, text and photographic materials for publications in the press and exhibitions. Participation in international events – forums and exhibitions – was a rare and irregular form of contacts. The institutional nature of international communications prevailed, and personal contacts were minimized.

Two key aspects in international relations were declared – the study of Western practice and the exchange of experience and the promotion of the achievements of Soviet architecture abroad. At the same time, the Union communicated with both the traditionalist and avant-garde wings of Western architecture, and was interested in the widest possible circle of contacts and forms of cooperation, regardless of the domestic anti-Modernist discourse. The stage of the greatest 'openness' of the Union for international communications fell on 1934 – 1936, reaching its peak in 1935, and then dying out with isolated bursts in 1937 and 1938 – 1939. The priority partners that replaced Germany were France and the United States. The existing potential of international cooperation was not realized due to the conflict of professional and state tasks. Professional motives were ignored if they did not correspond to state interests or opportunities. However, just as the state used architecture and its creators in its political and ideological interests, so the architectural community skillfully used the state's interest in one or another international project to preserve and expand cross-border professional dialogue.

2 Хнидкова Вендула, Институт Искусств, Чешская Академия Наук, Прага, Чехия

Борис Иофан и Международные связи в 1937 году

Hnídková Vendula, Institute of Arts, Czech Academy of Sciences, Prague, Czech Republic

Boris Iofan and international network in 1937

Язык - Language: английский - English

Зарубежные контакты Бориса Иофана в 1937 г. могут показаться невозможными. Однако на известном изображении Борис Иофан представлен за дружеской беседой с Фрэнком Ллойдом Райтом в Москве в 1937 г. Третий персонаж на снимке, стоящий между двумя главными фигурами современной архитектуры, Олгиванна Райт. Поскольку она занимает центральное положение, можно предполагать и ее исключительную важность в данном случае. Благодаря происхождению и языковым навыкам, Олгиванна могла обеспечить Ф.Л. Райту прямое общение с советскими гражданами

и, в частности, архитекторами, во времена жесткого контроля и (само)цензуры. Причиной приезда в Москву супругов Райт было их участие в Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов, проходившем в июне 1937 г. Однако уважаемый архитектор был не единственным иностранцем, приглашенным советскими властями на это мероприятие. Довольно разнородная группа иностранных архитекторов и специалистов по планированию городов включала представителей Бельгии, Чехословакии, Дании, Франции, Великобритании, Норвегии, Испании, Швеции, Турции, США. Таким образом, в статье пойдет речь о конкретных архитекторах, их опыте, политическом прошлом и причинах отбора именно этих участников. Чрезвычайно важным для понимания советской пропаганды является критический отклик иностранцев на официальное мероприятие, его программы и советской действительности конца 1930-х гг. В 1937 г. Борис Иофан имел возможность обсуждать свой проект Дворца Советов и многие другие темы с несколькими признанными зарубежными архитекторами.

Boris Iofan having an international network in 1937 may sound like an overt contradiction. But a famous picture represents Boris Iofan in a friendly talk with Frank Lloyd Wright in Moscow in 1937. The third figure standing between both key protagonists of modern architecture is Olgivanna Wright. As she occupies a central position also her role was of singular importance. Due to Olgivanna's origin and language skills, she was able to provide F.L. Wright an unmediated approach to Soviet citizens and Soviet architects at times of harsh control and (self)censorship. The very reason why Mr. and Mrs. Wright arrived in Moscow was to attend the 1st All-Union Congress of Soviet Architects held in June 1937.

Yet, the respected architect was not the only foreigner invited by the Soviet authorities on the occasion. A rather heterogeneous group of foreign architects and town planners consisted of representatives of Belgium, Czechoslovakia, Denmark, France, Great Britain, Norway, Spain, Sweden, Turkey, and the United States. Thus, in my paper, I will discuss the particular architects, their expertise, their political background, and reasons for their selection. Of utter importance to comprehend the Soviet propaganda will be their critical reflection of the official event, accompanying program, and the Soviet reality in the late 1930s. In 1937, Boris Iofan had an opportunity to discuss his Palace of the Soviets and many other topics with several acknowledged architects from abroad.

3 Невзгодин Иван Владимирович, Делфтский технический университет, г. Делфт, Нидерланды *Борис Иофан и позднесоветская историцизация архитектуры реализма*

Nevezgodin Ivan, TU Delft, The Netherlands

Boris Iofan and the Netherlands: Perception and parallels

Язык - Language: русский - Russian

Б.М. Иофан - один из немногих советских архитекторов, имя которого было широко известно голландским зодчим уже в 1930-е годы. Как и в других странах, эта международная известность была связана с конкурсами и проектированием Дворца Советов в Москве. Тогда Иофан обратил на себя внимание голландского архитектора Йоханнеса ван Лохема, который до этого (в 1926-1927 гг.) работал в СССР. Но не только прогрессивные, как Ван Лохем, нидерландские архитекторы обратили внимание на творчество Иофана, за ним пристально следили и архитекторы-традиционалисты, рупором которых был «Католический строительный журнал». В творчестве Иофана можно найти очевидные параллели с работами двух нидерландских архитекторов: Сибольда ван Равестейна и Артура Стаала. Творчество малоизвестных за пределами Нидерландов архитекторов из «Группы 32» представляет собой подходящий материал для сравнения с методом и эволюцией Иофана. Разочаровавшиеся в принципах архитектуры «Современного движения», молодые участники «Группы 32» попытались найти свой путь «критического освоения наследия». Примечательна и их ориентация на Италию, как неиссякаемый источник вдохновения. В XX веке нидерландскую традицию восхищения Италией возобновил «крестный отец современной европейской архитектуры» Хендрик Петриус Берлаге. Особенно характерен вызванный впечатлениями от итальянской поездки перелом в творческой биографии Сибольда ван Равестейна. Архитектура нидерландского традиционализма и неоклассицизма 1920–1940-х гг. до сих пор не получила должного внимания. Ее сравнительный анализ сквозь призму творческого наследия Иофана позволяет по-новому взглянуть на контекст мировой архитектуры межвоенных лет.

Boris Iofan belongs to the few Soviet architects whose name was already known to Dutch architects in the 1930s. The competitions and the designs for the Palace of Soviets in Moscow generated his international fame, also in the Netherlands. Thus, the Dutch architect Johannes Bernardus van Loghem, who has been working in the U.S.S.R. in 1926 – 1927, was interested in

Boris Iofan. But not only progressive, like Van Loghem, Dutch architects knew the work of Iofan, also the traditionalist architects, associated with the 'Katholiek Bouwblad' ('Catholic Building Journal') showed their interest. In the works of two Dutch architects, Sybold van Ravesteyn and Arthur Staal, we can easily recognize parallels to the Iofan's approach to architecture. The work of the little-known outside the Netherlands architects of 'the Group of 32' gives inspiring material for a comparison with the creative method and the evolution of Iofan. The young members of 'the Group of 32', became disillusioned in the principles of the New Movement, and tried to find their own way of 'critical continuation of architectural tradition'. Also their adoration of Italy as an inexhaustible source for inspiration is remarkable. In the twentieth century, 'the godfather of Modern European architecture' Hendrik Petrus Berlage renewed the Dutch tradition of admiration of Italy. A stunning example of the Italian impact is the creative rebirth of Sybold van Ravesteyn after his trip to Italy. Till today, the architecture of Dutch Traditionalism and Neoclassicism of the 1920s and 1940s has not been well studied. A comparative analysis through the prism of a creative figure such as Boris Iofan will give us a fresh look at the context of world architecture in the inter-war period.

4 Роэде Ингрид, Школа архитектуры и дизайна, Осло, Норвегия, аспирант
Моменты дипломатии: Норвежско-советский архитектурный обмен
Roede Ingrid, Oslo School of Architecture and Design, Norway, Ph.D. fellow
Snapshot diplomacy: Norwegian-Soviet architectural exchange
Язык - Language: английский - English

Размышляя о дискуссиях на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов в 1937 г., влиятельный норвежский архитектор Харальд Хальс (1876–1959) писал: «Как только время сгладит волны нынешних споров, историк напишет главу под названием «Архитектура после войны». За это время национальные границы стерлись [...] и даже в архитектуре отдельные государства не выражали своих особенностей». Выбирая Халса в качестве центральной фигуры, мы рассматриваем архитектурный обмен как канал связи между Советским Союзом и Норвегией в годы Второй мировой войны. Эпизоды контактов Халса со средой в СССР и его последующие попытки распространять представления о советской архитектуре среди широкой норвежской аудитории показывают, что эти связи не сводились к пассивному наблюдению. Какими бы туманными ни были мотивы такого обмена, очевидно, что у двух сторон они были разными. В геополитической ситуации, подверженной периодическим волнам изоляционизма, архитектурный дискурс был ориентирован на культурный экспансионизм и легитимность, заменяя собой официальные дипломатические площадки. Однако, обмен служил и средством удовлетворять научное любопытство, стимулировал присоединение к транснациональному экспертному сообществу. Эффективность переноса идей и то, насколько они насыщаются на протяжении всего процесса, проливают свет как на позицию и автора, и принимающей стороны. Под сильным влиянием тщательно отобранной информации, предоставленной такими организациями, как ВОКС, многие работы Халса позволяли узнать о советской архитектуре и обществе определенному кругу иностранных гостей через опосредованные версии медиа-событий. Дворец Советов, широко публикуемый в норвежских новостных агентствах, подвергался критике, но был признан эмблемой будущего СССР. Общественная жизнь архитектуры отразилась на национальных разногласиях, политизируя стиль и побуждая иностранную аудиторию наполнить его новым культурным смыслом.

Reflecting upon the discussions at the First All-Union Congress of Soviet Architects in 1937, the influential Norwegian architect Harald Hals (1876–1959) wrote, "Once time has flattened the waves of the present's wrangle, the historian will write a chapter titled Architecture Post Bellum. National borders had faded during these times [...] and not even in architecture did individual states express their peculiarities." With Hals as a focal character, this paper examines architectural exchange as a channel for communication between the Soviet Union and Norway in the years surrounding WWII. Episodes from Hals' liaisons with milieu in the U.S.S.R. and his subsequent efforts to disseminate Soviet architecture to a general Norwegian audience reveal the contact to exceed passive observation. The motivations behind these exchanges, however nebulous, differed between the two parties. In a geopolitical situation subject to fluctuating isolationism, architectural discourse was mobilized for cultural expansionism and legitimacy in lieu of official diplomatic venues. Meanwhile, it also satisfied scholarly curiosity and stimulated affiliation to a transnational expertise community. The efficacy with which ideas are transmitted, and how they are saturated throughout the process, shed light on both originator and recipient. Highly influenced by the carefully curated information presented to him by entities like VOKS, Hals' abundant writings give insights into Soviet architecture and society as presented to renowned foreign visitors – the mediated versions of media events. The Palace of Soviets, published extensively in Norwegian news outlets, was criticized yet elevated as an emblem of the future U.S.S.R. The public life of architecture reverberated across national divides, politicizing style and driving a foreign audience to imbue it with new cultural meaning.

Русские и советские архитекторы за рубежом в первой половине XX века Russian and Soviet architects abroad in the first half of the XX century

- I Чекканти Костантино, Музеи Барджелло, Флоренция, Италия
Иван Рерберг – архитектор и инженер. Взгляд из России на тосканский неоклассицизм
Ceccanti Costantino, Bargello Museums, Florence, Italy
Ivan Rerberg: architect and engineer. A glimpse of Tuscan Neoclassicism from Russia
Язык - Language: английский - English

Иван Иванович Рерберг (1869-1932) – один из русских архитекторов, имевших тесные связи с Италией. Имевший военное прошлое (Московское кадетское училище) и техническое образование (в 1896 г. окончил Петербургскую военно-инженерную академию), он, сын железнодорожного инженера Ивана Федоровича Рерберга, принадлежал к группе профессионалов, подготовленных в последние десятилетия царской России, а затем получивших возможность работать и достичь высшей точки карьеры в первые годы нового советского режима. У Ивана Рерберга были особые отношения с Тосканой: его знакомство с неоклассической архитектурой Великого Герцогства родилось не столько из непосредственных впечатлений, которые, безусловно, существовали, сколько из поездки, предпринятой на выставки в Риме и Турине в 1911 г., и еще больше из интереса, проявленного его братом-художником Федором Ивановичем Рербергом (1865-1938) и общения с Владимиром Алексеевичем Шуко (1878-1939), автором русских павильонов в Риме и Турине. Именно в этом пьемонтском городе Шуко, посетивший Тоскану в 1905 г., частично реконструировал изначально новаторскую лестницу, которую Козимо Росси Мелокки (1758-1820), заместитель директора Уффици с 1770 г., построил на вилле Пуччини в Скорнио, недалеко от Пистойя. В московском здании Елизаветинской женской гимназии в Большом Казенном переулке Иван Рерберг безупречно воспроизвел пистойский образец, даже добавив детали, которые Шуко упустил; это показывает, что Рерберг должен был видеть оригинал. И павильон в Турине, который также содержит отсылки к Цистерноне Паскуале Почьянти (1774-1858), и Елизаветинская женская гимназия, здания, задуманные как символы братства между двумя народами, являются осязаемым свидетельством того, как даже в начале 20-го в. не угасал интерес россиян к итальянской архитектуре.

Ivan Ivanovich Rerberg (1869-1932) is one of the Russian architects who had close ties with Italy. With a military background - having attended the Moscow Cadet School - and a technical education, having graduated from the St. Petersburg Military Academy of Engineering in 1896, he - son of the railway engineer Ivan Fedorovich Rerberg - belonged to the group of professionals who trained in the last decades of Tsarist Russia and then had the opportunity to work and reach the highest point of their careers in the early years of the new Soviet regime. Ivan Rerberg had a special relationship with Tuscany: His familiarity with the neoclassical architecture of the Granducato was born not so much from direct acquaintance, which there was in any case, as from a trip undertaken on the occasion of the Rome and Turin Exhibitions in 1911, but rather from the interest developed by his brother painter Fedor Ivanovich Rerberg (1865-1938) and his acquaintance with Vladimir Alekseevich Schuko (1878-1939), author of the Russian pavilions in Rome and Turin. It was in the Piedmontese city that Schuko - who had visited Tuscany in 1905 - reconstructed, partially faithfully, the visionary staircase that Cosimo Rossi Melocchi (1758-1820), deputy director of the Uffizi from 1770, built at Villa Puccini in Scornio, near Pistoia. In a Moscow building, the Elizabethan Women's Gymnasium of Bolshoi Kazenny Pereulok, Ivan Rerberg replicated the Pistoian example impeccably, even adding details that Schuko had omitted, showing how Rerberg himself must have been familiar with the original example. Both the pavilion in Turin, which also contains references to Pasquale Poccianti's Cisternone (1774-1858), and the Elizabethan Girls' Gymnasium, buildings conceived as symbols of brotherhood between the two nations, are tangible evidence of how, even in the early 20th century, Russian interest in Italian architecture was far from over.

2 Левашко Светлана Сергеевна, НИИТИАГ – СПбГАСУ, Санкт-Петербург
Янчаркова Юлия, Славянский Институт Чешской Академии Наук, Прага, Чехия
*Пражские русские архитекторы-эмигранты и их деятельность в контексте
межвоенной Европы: вопреки временам и режимам*

*Levoshko Svetlana, Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban-planning, - State
University of Architecture and Engineering, Saint-Petersburg*

Jancharkova Julia, Slavic Institute of Czech Academy of Science, Prague, Czech Republic

*«Prague generation» of Russian architects in the context of the interwar European architecture:
In spite of times and regimes*

Язык - Language: русский - Russian

Октябрьская революция 1917 года и Гражданская война в России способствовали эмиграции большого количества людей с территорий бывшей Российской империи. В 1920-х годах столицу Чехословакии буквально наводнили беженцы, среди которых было много студентов и профессоров. По причине высокой доли научной интеллигенции в эмигрантской среде Прагу называли «Русским Оксфордом». Прага стала одним из значительных в Европе центров архитектурной деятельности эмигрантов. Поколение архитекторов, прибывших из Российской империи, получило образование в чешских учебных заведениях, благодаря «Русской акции помощи» - первой в мире широкой гуманитарной программе чехословацкого правительства в поддержку беженцев, начатой в 1921 году, и столетие которой отмечается в этом году.

Архитектура Чехословакии переживала в период Первой республики свой «золотой век». Страна в 1920-1930-х годах была признанным в Европе архитектурным центром, через который прошли все европейские «пути архитектуры». Авангардно настроенные местные мастера оказали решающее влияние на формирование архитектурно-художественного мировоззрения студенческой молодежи, эмигрантов из России в том числе. Дипломные работы более 60 выпускников Чешского высшего технического училища – русских, украинцев, белорусов и др. - свидетельствуют о поисках в области современной архитектуры и о воспринятом ими функционализме. Коллеги из Чехословакии с большим интересом следили за архитектурными экспериментами 1920-х годов в Советской России, и были разочарованы поворотом к неоклассике в 1932 году. С полемической статьей в их адрес выступил в 1938 году архитектор Л. С. Лада-Якушевич. Настойчивое отстаивание «левой» архитектуры он расценил как «консерватизм» и «провинциализм» чехов, противопоставляя им «последние достижения передовых культурных стран», продемонстрированные на Парижской выставке 1937 года. После установления дипломатических отношений между СССР и ЧСР, во второй половине 1930 годов, стала развиваться практика взаимных поездок архитекторов с целью культурного и профессионального обмена. Молодым российским специалистам-эмигрантам пришлось реализовывать себя в условиях мирового кризиса, начавшегося в 1929 году, в ситуации жесткой конкуренции на местном рынке труда и в тени местной профессиональной элиты. В силу военно-политических и экономических причин высокий потенциал этого поколения не был реализован в полной мере. Авторы представляют в докладе их деятельность, рассмотрят ее в контексте места и времени, и в связи с архитектурой в СССР.

The October Revolution of 1917 and the subsequent Civil War in Russia contributed to the emigration of a large number of people from the territories of the former Russian Empire. In the 1920s, refugees flooded the capital of Czechoslovakia; there were many students and professors among them. Due to the high share of the scientific intelligentsia amongst the Russian émigré population, Prague was called the 'Russian Oxford'. Hence, Prague became an important center of architectural activity for Russian emigrants in Europe. The new generation of architects, who arrived from the Russian Empire, was largely educated at Czech educational institutions thanks to the 'Russian Aid Action', the world's first wide humanitarian program of the Czechoslovak government in support of refugees, launched in 1921. This year marks its centenary.

The architecture of Czechoslovakia experienced its 'golden age' during the First Republic. In the 1920s and 1930s, it was a recognized architectural center in Europe, through which all European 'paths of architecture' passed. Avant-garde minded local masters had a decisive influence on the formation of the architectural and artistic worldview of student youth, particularly emigrants from Russia. An analysis of 60 graduate theses at the Czech Higher Technical School from Russians, Ukrainians, and Belarusians, testifies to a renewed interest in modern architecture and functionalism.

Colleagues from Czechoslovakia followed in the architectural experiments of the 1920s in Soviet Russia with great interest; and they were disappointed with its turn to Neoclassical architecture in 1932. A critical article was addressed to them by architect L.S. Lada-Yakushevich in 1938. He regarded the persistent defense of the 'leftist' architecture as 'conservatism' and 'traditionalism' of the Czech people, contrasting them with "the latest achievements of advanced cultural countries" demonstrated at the Paris Exhibition of 1937. After the establishment of diplomatic relations between the U.S.S.R. and Czechoslo-

vakia in the second half of 1930, professional and cultural exchanges began to expand rapidly. Young Russian emigrant specialists had to overcome the 1929 global crisis, under the backdrop of fierce competition in the local labour market while under the shadow of the local professional elite. For military-political and economic reasons, the high potential of that generation was not realized in full scale. The authors will present a detailed description of the subject matter, analyzed in conjunction with the architectural tendencies during different periods of the U.S.S.R.

- 3 Малич Ксения Александровна, НИИТИАГ – НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург
Между Западом и СССР: русские архитекторы и конъюнктура западно-европейского архитектурного рынка в 1910-1930-е годы на примере работы Бертольда Любеткина
Malich Ksenia, Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban-planning – Higher School of Economics, Saint-Petersburg
Between USSR and West: Russian architects and western European architectural scene conditions in 1920-1930s. The example of Berthold Lubetkin
Язык - Language: русский - Russian

1920-1930-е годы - время исключительно противоречивое для СССР с точки зрения культурной политики в целом, и вопросов архитектуры в частности. С одной стороны, необходимость пропаганды нового мира, возникшего на руинах старой империи, заставляла максимально противопоставлять мировую и локальную практику. С другой стороны, отток квалифицированных кадров и ряд насущных вопросов в области градостроительства архитектуры вынуждал вербовать иностранных специалистов и возвращать потенциально полезных профессионалов. Русские архитекторы, недавно эмигрировавшие из России, также находились в тяжелой ситуации, что было обусловлено серьезной конкуренцией, проблемами социальной адаптации, наконец, тяжестью морального выбора дальнейшего пути. В этих условиях, особенно под воздействием усилившейся в 1930-е годы советской пропаганды, некоторые эмигранты всерьез задумывались о возвращении. На примере творчества выдающегося английского зодчего Бертольда Любеткина в докладе будет предпринята попытка разобраться в специфике социальных, культурных, политических, экономических обстоятельств, в которых оказывались русские архитекторы и художники, работавшие в Западной Европе в 1920-1930-е годы.

The 1920s-1930s were an extremely contradictory time for the U.S.S.R., from the point of view of cultural policy in general, and issues of architecture, in particular. On one hand, the need to propagandize the new world that arose on the ruins of the old empire forced to contrast international and local practice as much as possible. On the other hand, the outflow of qualified personnel and a number of pressing issues in the field of urban planning and architecture forced the recruitment of foreign specialists and the return of potentially useful professionals. Russian architects who had recently emigrated from Russia were also in a difficult situation, which was due to serious competition, problems of social adaptation, and, finally, the severity of the moral choice of the future path. Under those conditions, especially under the influence of the intensified Soviet propaganda in the 1930s, some emigrants seriously considered returning back to Russia. On the example of outstanding English architect Berthold Lubetkin, the report will be an attempt to understand the specifics of the social, cultural, political, and economic circumstances in which Russian architects and artists worked in Western Europe in the 1920s-1930s.

Пленарный доклад Plenary paper

Удовички Сельб Данило, Университет Техаса, Остин, США

Поздний стиль Бориса Иофана: посвящение Казимиру Малевичу

Udovicki Selb Danilo, School of Architecture History, Theory and Criticism University of Texas at Austin, USA

Boris Iofan's Ultimate Style: a Tribute to Kazimir Malevich

Язык - Language: английский - English

23 апреля 1932 г. ЦК издал судьбоносное Постановление «О перестройке ЛИТУДОРГ». С тех пор исследователи полагали, что не только архитектура авангарда, включая конструктивизм и рационализм, попала под ограничения, но одновременно был навязан новый всеобщий исторический стиль. Такое предположение противоречит не только примерам построения модернистской архитектуры в 1930-х гг., но и явно не учитывает заявление Кагановича, сделанное в 1934 г., что «мы не собираемся навязывать стиль по указу». Основное внимание в статье будет уделено воплощению «сталинских» проектов - Дворцу Советов Иофана – с целью продемонстрировать, что, начиная с его версии дворца 1934 г., все последующие варианты смело отражали супрематистскую архитектуру Малевича. Более того, в докладе будет показано, что, в конечном счете, Иофан использовал опыт работы с Дворцом Советов для построения собственного стиля, в равной степени присутствующего в его конкурсной работе для Народного комиссариата тяжелой промышленности 1934 г., советском павильоне 1937 г. в Париже, а также в его проекте павильона станции метро «Бауманская» (проект 1938 г., завершен в 1944 г.) и, наконец, в советском павильоне 1939 г. в Нью-Йорке, – все это составляет картину альтернативной модернистской архитектуре в СССР.

On 23 April 1932, the Central Committee issued the fateful Postanovlenie "O Perestrojke LITHUDORG". Since then, scholars have commonly assumed that not only the architecture of the avant-gardes, such as Constructivism and Rationalism, were curtailed, but that a new, overarching historicist style was imposed. Such assumptions contradict not only the evidence that modern architecture was built down the 1930s, but clearly overlooks Kaganovich's assertion, in 1934, that "we are not going to impose a style by decree." The paper will focus on the epitome of "Stalinist" projects – Iofan's Palace of Soviets – to demonstrate that, starting with his 1934 version of the Palace, all the variants that followed reflected boldly Malevich's Suprematist Arhitektory. What is more, the paper will show that, ultimately, Iofan used his experience with the Palace of the Soviets to forge his own personal style, equally present in his competition entry for the 1934 People's Commissariat of Heavy Industry; his 1937 Soviet Pavilion in Paris; as well as his 1938 entry for the "Baumanskaja" Metro station (completed in 1944); and, finally, his 1939 Soviet Pavilion in New York – all concluding the saga of an alternative Modern Architecture in the U.S.S.R.

VI

Творческий путь Б.М. Иофана: новые данные **Boris Iofan creative path: the new materials**

- 1 Овсянникова Елена Борисовна, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва – Севастопольский государственный университет, Севастополь
Васильев Николай Юрьевич, НИУ МГСУ – МГАХИ им. Сурикова, Москва
Борис Иофан и проектирование городка Тимирязевской сельхозакадемии
Ovsyannikova Elena, Moscow Architecture Institute (State Academy) – Sevastopol State University
Vasilyev Nikolai, Moscow State Academic Art Institute named after V.I.Surikov National Research Moscow State University of Civil Engineering
Boris Iofan and projecting of Moscow Timiryazev Agricultural Academy districts
Язык - Language: русский - Russian

Доклад посвящен малоизвестным неопубликованным проектам и архивным материалам Бориса Иофана для Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Городок вуза в Петровском-Разумовском задумывался в 1929-1930-х годах в числе первых кампусов в СССР. В творческой биографии Иофана выстроенные четыре корпуса Академии занимают редкое место стилистически «чистого» архитектурного авангарда, при его создании архитектор работал бок-о-бок с другими зодчими - Виктором Кокориным, Александром Мейснером, Евгением Шервинским и другими. Однако именно его вклад в создание новой планировочной концепции послереволюционной архитектуры Академии был наиболее весомым.

The paper is devoted to almost unknown unpublished projects and archival materials by Boris Iofan made for the Timiryazev Agriculture Academy. The campus of the university in Petrovsky-Razumovsky District was conceived in the 1929-1930s, among the first campuses in the U.S.S.R. In the creative biography of Boris Iofan, the four buildings of the Academy occupy a rare place of stylistically 'pure' architectural avant-garde; in the course of the projects creation, the architect worked side-by-side with other architects – Viktor Kokorin, Alexander Meisner, Evgeny Shervinsky, and others.

- 2 Вяземцева Анна Геннадиевна, НИИТИАГ, Москва
Проект Посольства СССР Б.М. Иофана в Риме: *genius loci*
Vyazemtseva Anna, Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban-planning, Moscow
The project of the Embassy of USSR in Rome: genius loci
Язык - Language: русский - Russian

Известно, что Б.М. Иофан начал работу над проектом посольства в Риме еще до официального признания Италией СССР, состоявшегося в феврале 1924 года. Проект разрабатывался в атмосфере сближения двух стран и играл большую роль в жизни архитектора, вскоре вернувшегося на родину после 10 лет пребывания в Риме. Это нереализованный проект представляет собой исключительный случай «архитектурной дипломатии» и открывает непривычные ракурсы как на творчество самого Иофана, так и на историю советского присутствия в Италии в 1920-е гг. В задачу данного доклада, однако, входит не только анализ проекта и его создания, но и воссоздание его предыстории, а также описание последующей судьбы участка, на котором предполагалось построить здание. Методом сопоставления фактов и проектов, а также в результате архивных исследований, осуществляется попытка реконструкции истории одного участка в центральной части города Рима, не один раз сыгравшего важную роль не только в дипломатических отношениях двух стран, но и в архитектуре XX века.

It is known that B.M. Iofan started working on the project of the Embassy in Rome even before the official recognition of the U.S.S.R. by Italy, confirmed in February 1924. The project was developed in the atmosphere of rapprochement between the two countries and played an important role in the life of the architect, who soon returned home after 10 years he had

spent in Rome. This project is an exceptional case of the 'architectural diplomacy' and opens up unusual perspectives both on the work of Iofan himself and on the history of the Soviet presence in Italy in the 1920s. The aim of this report, however, is not only to analyze the project, but also to recreate its background, as well as to describe the subsequent fate of the site on which the building was supposed to be built. By comparing facts and projects, as well as the results of archival research, the paper makes an attempt to reconstruct the history of one site in the central part of the city of Rome, which more than once played an important role both in the history of the two countries and in the history of architecture.

3 Дубровский Юрий Викторович, Научная библиотека МАРХИ, Москва
О месте станции «Бауманская» в творческом наследии Б. М. Иофана
Dubrovsky Yuriy, Moscow Institute of Architecture, Scientific Library, Moscow
A place of "Baumanskaya" station in Boris Iofan's legacy
Язык - Language: русский - Russian

В разговоре о творческом наследии Б.М. Иофана, как правило, внимание уделяется «большим» и «представительским» проектам. На этом фоне всегда в арьергарде остаётся станция московского метрополитена «Бауманская». Подобным было и отношение к станции в самой мастерской – она была «нелюбимым ребёнком». Тем не менее, в наши дни именно станция представляет собой один из наиболее известных из построенных и сохранившихся примеров творческого метода Иофана. С одной стороны, в ней проявилось несвойственное для метрополитена композиционное и архитектурно-художественное построение станции. Едва ли не более ярко, чем на любой другой здесь представлен контраст в диалоге продольного движения пассажира в пространстве «анфилады залов» и поперечной динамики декора центрального зала – пилястр и скульптур. С другой, благодаря своему «вторичному» положению, станция оказалась своеобразным наследием работы Иофана над более значимыми сооружениями и несёт в себе их отпечаток. Итоговый облик станции разрабатывался в 1943 г. одновременно со «свердловской» редакцией проекта «Дворца Советов». К работе над станцией были привлечены художники и скульпторы, работавшие над Дворцом Советов. Станция получила идеи, разрабатываемые для Дворца, и превратилась в своеобразный полигон их отработки. Предположительно, «Бауманская» стала формализованным размышлением над Дворцом Советов (пока не вернулись к строительству). С эволюцией проекта в 1938-1943 гг. она всё дальше отходит от павильона СССР 1937 г. и всё больше приобретает черты Дворца Советов, обращаясь к «возрожденческому» макету Большого проекта. Строение центрального зала станции воспроизводит вариант Бокового фойе грандиозного здания. Ритмичное оформление пилонов «Бауманской» скульптурами, сопоставимо с ярусом памятников революционерам. Проект интерьеров вестибюля сопоставим с проектом интерьеров кольцевых кулуаров. Сходство читается и в решении мелких деталей. Парадоксальным оказалось соседство «Бауманской» и «Электrozаводской», выполненной в мастерской В. Гельфрейха и В. Щуко. На примере двух станций создаётся дополнительное измерение творческого конфликта соавторов Дворца Советов. О станции можно говорить не просто как об одной из построек, а как о запечатлённом творческом методе и подлинном отражении значительного этапа в творчестве Б. М. Иофана.

Usually, in discussions about the B. M. Iofan legacy, a special attention is paid to 'grand' and 'representative' design projects; thus, the Moscow metro station 'Baumanskaya' always remains aside. The Iofan's attitude to the station was similar – it was an 'unloved child'. Nevertheless, today, it is an example, the most famous, and the most available for citizens, of the creative method of Iofan, which had been really built. In fact, here is shown an architectural composition unusual for a metro station. It presents in all its vividness (more than anywhere else in the Moscow underground) a contrast and confluence of the passengers' way through the 'enfilade of halls' along with the transverse dynamics of the décor. Moreover, due to its 'secondary' position, the station imprinted a kind of legacy of Iofan's work on more significant structures. Its final design was developed in 1943, concurrently with the 'Sverdlovsk' edition of the Palace of Soviets. Artists and sculptors of the main project were involved in the work on the station. The ideas developed for the Palace were applied to the station and turned it to a kind of tester. Presumably (comparing design graphics), 'Baumanskaya' became a reflection of the Palace of Soviets, potentially its Renaissance-like model. The 'Baumanskaya' central underground hall reproduces the version of the Side foyer of the Palace. The rhythm of its pylons with sculptures is comparable with the monumental tier for revolutionaries. The entrance hall is comparable to the interior design of the circular couloirs. The similarity can be found even in small details. Additionally, paradoxical was the neighborhood of 'Baumanskaya' and 'Elektrozavodskaya' (by V. Gelfreich and V. Shchuko): at the example of two stations, we can try to discover an additional dimension of the creative conflict of the Palace of Soviets co-authors. It could be concluded, that 'Baumanskaya' can be described not just as one of the Iofan's buildings, but as a captured creative method and a true reflection of a significant stage in his work.

4 Хрупин Константин Геннадиевич, НИИТИАГ, Москва
Участие Б. М. Иофана в экспериментальном проектировании и строительстве
1950-1960-х годов

Khрупin Konstantin, Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban-planning, Moscow

B. M. Iofan's participation in experimental design and construction of the 1950s-1960s

Язык - Language: русский - Russian

Творчество Бориса Михайловича Иофана – одного из выдающихся советских архитекторов XX века, в общественном и профессиональном сознании в основном ассоциируется с школой архитектурного мастерства и освоением классического наследия, а он сам как мастер монументальной архитектуры. Однако, остаются практически вне внимания его проекты и постройки, созданные в период активного развития массового индустриального типового домостроения. События середины 1950-х годов, связанные с новым курсом в реализации жилищной реформы, повлияли не только на архитектуру последующих лет, но и на творческие судьбы многих архитекторов. После преобразования Академии архитектуры СССР в Академию строительства и архитектуры СССР (АСиА) в середине 1950-х годов только часть ее членов вошли в состав новой академии, среди них был Борис Михайлович.

1950-е-1960-е годы – период активных экспериментальных поисков в архитектуре, градостроительстве и строительстве, многие, из которых, инициировались и проводились силами учреждений АСиА. К одной из особенностей творчества мастера можно отнести постоянное стремление к эксперименту. Так, например, в конце 1954 года он предложил использовать односекционные жилые дома (дома-секции) в застройке и сделал проектное предложение, позже их стали называть «точечными». Иофан – один из не многих, кто продолжил поиски, начатые А.К. Буровым, максимального применения в строительстве пластмасс, материалов будущего, как казалось в то время. Сделал проект жилого дома из объемных элементов (1958). На это конструктивное решение, предполагающее максимальную сборность и заводскую готовность элементов, возлагали большие надежды в строительной отрасли. Свой богатый опыт и знания он использовал в жилом комплексе на Щербаковской улице в Москве (1962–1969), где пытался найти принципиальное и современное решение не уникального, а рядового жилого дома, реализовав свою идею дома-секции. Последним сооружением мастера стал Государственный центральный институт физической культуры в Москве (1962–1975). Архитектор использовал композиционные приемы, апробированные в пансионате «Барвиха», а также продолжил поиски синтеза искусств. Творчество Б.М. Иофана – зодчего, ученого, экспериментатора прошло через все перипетии XX века и в сложный период 1950-1960-х годов оно оставалось новаторским и современным.

Boris Mikhailovich Iofan is one of the outstanding Soviet architects of the twentieth century. His work is associated with the school of architectural excellence and the development of the classical heritage, and he himself is as a master of monumental architecture in the public and professional consciousness. His projects and buildings, created during the period of active development of mass industrial standard housing construction, remain, however, practically out of attention. The events of the mid-1950s, connected with the new course in the implementation of the housing reform, influenced not only the architecture of subsequent years, but also the creative destinies of many architects. After the transformation of the Academy of Architecture of the U.S.S.R. into the Academy of Construction and Architecture of the U.S.S.R. (ACA) in the mid-1950s, only a part of its members became a part of the new Academy, among them was Boris Iofan. The 1950s and 1960s were a period of active experimental searches in architecture, urban planning, and construction. Many of them were initiated and conducted by the ACA institutions. The constant desire to experiment can be attributed to one of the peculiarities of the Iofan's work. So, for example, at the end of 1954, he proposed to use one-section houses in residential development and made a design proposal; later, they became known as 'point' houses. Iofan was one of a few who continued the searches to maximize the usage of plastics in construction, started by A.K. Burov. At the time, plastics were considered to be the building materials of the future. He made a project of residential building from volumetric elements (1958). The construction industry had high expectations for this structure solution, because it implied the maximum assemblage and factory readiness of the elements. He used his extensive experience and knowledge in a residential complex on Shcherbakovskaya Street in Moscow (1962). He tried to find a principled and modern solution not to unique, but ordinary residential house, and realized his idea of one-section house in that project. The State Central Institute of Physical Culture in Moscow (1962-1975) became the last construction by the master. The architect used compositional techniques, tested in the boarding house 'Barvikha', and also continued his search for the synthesis of arts. Creativity of architect, researcher, experimentalist B. M. Iofan went through all the twentieth century peripeteiae and remained innovative and modern in the difficult period of the 1950-s-1960-s.

VII

Архитектура и власть

Architecture and power

- I Пегидис Никос, Афинская Школа Искусств, Греция
*Архитектура и политика или архитектура как политика?
Случай ранних творческих лет Константина Доксиадиса (1936-1941)*
Pegioudis Nikos, Athens School of Fine Arts, Greece
Architecture and politics or architecture as politics? The case of Konstantinos Doxiadis' early career (1936-1941)
Язык - Language: английский - English

Константинос Доксиадис (1914-1975) был одним из самых известных послевоенных греческих архитекторов и градостроителей. Его успешный офис (Doxiadis Associates) занимался изучением и проектированием нового городского планирования, в основном, для постколониальных развивающихся стран от Ирака до Ганы. Хотя интерес исследователей к этой деятельности Doxiadis Associates растет, ранняя карьера архитектора менее подробно задокументирована и проанализирована.

Доксиадис окончил Афинский национальный технический университет в 1935 г. и получил ученую степень в Берлинском техническом университете в 1936 г. Он прибыл в Берлин в эпоху Третьего рейха в 1936 г., и сразу постарался выстроить сеть профессиональных контактов, в которую вошли архитекторы-модернисты, археологи-античники и градостроители. По возвращении в Грецию он был назначен главой незадолго перед тем созданного диктаторским режимом Ионанниса Метаксаса Департамента городского планирования Афин.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы вписать немецкий опыт Доксиадиса в более широкий контекст германо-греческого культурного/научного трансфера 1930-х и начала 1940-х гг., исследуя социо-культурные события, личные связи и стратегические политико-идеологические или профессиональные устремления, определявшие трансляцию идей и опыта. В центре внимания находятся отношения архитекторов с властью, особенно принятие молодыми архитекторами неоднозначной гибридной профессиональной идентичности (архитектор, как инженер и градостроитель), которая была популярна в авангардных кругах в 1920-х гг., но сохранялась в радикально изменившемся политическом климате 1930-х и 1940-х гг. Эта гибридная идентичность расширяла и одновременно размывала границы деятельности архитекторов, превращая их в экспертов по бесчисленным социальным, культурным и технологическим вопросам – такая самооценка соответствовала планам радикальных реформ режимов Германии и Греции, по сути именно она сформировала идею современной архитектуры.

Konstantinos Doxiadis (1914-1975) was one of the most renowned post-war Greek architects and urban planners with his successful office (Doxiadis Associates) undertaking the study and design of new urban plans mainly in post-colonial developing countries from Iraq to Ghana. Whilst scholarly interest in these activities of Doxiadis Associates is on the surge, his early career is less adequately documented and analyzed.

Doxiadis graduated from the National Technical University of Athens in 1935 and he received a PhD from the Technical University of Berlin in 1936. He arrived in Third Reich Berlin in 1936 immediately seeking to establish a network of professional contacts to which belonged modernist architects, classical archaeologists and urban planners. Upon his return to Greece, he was appointed Chief Officer of the newly founded (by Ionannis Metaxas' dictatorial regime) Town Planning Department of Athens. This paper aims to inscribe Doxiadis' German experience into the wider context of the German-Greek cultural/scientific transfer in the 1930s and early 1940s, following the socio-cultural events, personal networks and strategic politico-ideological or professional aspirations that determined this transfer. At stake in this investigation is the relationship of architects with power; particularly the adoption by young architects of an ambiguous, hybrid professional identity (the architect as an engineer and urban planner) which was popularized in avant-garde circles during the 1920s but persisted in the radically changed political climate of the 1930s and 1940s. This hybrid identity broadened and simultaneously blurred the fields of the architects' jurisdiction presenting them as experts in countless social, cultural and technological issues – a self-image that was in line with the radical reform plans of the regimes in both Germany and Greece and which essentially shaped the idea of modern architecture.

Несмотря на многочисленность преобразований проектного дела в Москве в 1930-е годы, наиболее известным до настоящего времени остается создание осенью 1933 года отделов проектирования и планировки Моссовета с системой проектных и планировочных мастерских при них. Именно тогда одну из десяти планировочных мастерских возглавил Б.М. Иофан.

Однако это была отнюдь не первая и далеко не последняя попытка найти оптимальное решение такой непростой задачи, как создание системы управления проектной архитектурно-градостроительной деятельностью в советской столице в довоенный период. Некоторые из проведенных в тот период преобразований касались только планировочных мастерских, как это имело место, например, в 1935 году после принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции г. Москвы». Другие повлекли за собой коренную перестройку проектного дела, как это имело место в 1939 году.

Хотя каждая из реформ проектного дела формально была нацелена на решение конкретных задач реконструкции Москвы, в реальности они решали и другие задачи, среди которых можно назвать концентрацию архитекторов в государственных мастерских, усиление контроля за их деятельностью и т.п. В некоторых преобразованиях находили отражение и весьма непростые взаимоотношения руководства страны и города с архитекторами. Например, поводом для реформы 1939 года в соответствии с постановлением Моссовета стало невыполнение отделами проектирования и планировки постановления «О генеральном плане реконструкции г. Москвы» и игнорирование «Правил о порядке застройки города Москвы».

Таким образом, история преобразований проектного дела в Москве дает возможность расширить представления о путях и характере взаимодействия советских архитекторов и власти в 1930-е годы.

Despite the numerous transformations of the design system in Moscow in the 1930s, the most famous up today is the creation of the design and planning departments in the Moscow City Council in the autumn of 1933, with a system of design and planning workshops attached to them. Exactly at that moment, B.M. Iofan headed one of ten planning workshops.

However, this was by no means the first and far from the last attempt to find the optimal solution to such a difficult task as creating a management system for design architectural and urban planning activities in the Soviet capital in the pre-war period. Some of the transformations carried out at that time concerned only planning workshops, as was the case, for example, in 1935, after the adoption of the resolution of the SNK of the U.S.S.R. and the Central Committee of the CPSU (Bolshevik) 'On the General Plan for the Reconstruction of Moscow'. Others entailed a radical restructuring of the design business, as it happened in 1939. Although each of the design system reforms was formally aimed at solving specific tasks of the Moscow reconstruction, in reality, they also solved other problems. Among which there was concentration of architects in state workshops, strengthening control over their activities, etc. Some of the transformations also reflected the rather uneasy relationship between the leadership of the country or the city with architects. For example, in accordance with the resolution of the Moscow City Council, a reason for the reform of 1939 was the failure of the design and planning departments to comply with the resolution 'On the General Plan for the Reconstruction of Moscow' and ignoring the 'Rules on the Procedure for Building the City of Moscow'. Thus, the history of the transformations of the design business in Moscow makes it possible to expand the understanding of the ways and the nature of interaction between Soviet architects and the Soviet government in the 1930s.

- 3 Шуба Александр, Университет Баухауз, Веймар, Германия, аспирант
Цензура и самоцензура с исправлениями в двух томах монографии А.В. Бунина и Т.Ф. Саваренской “История градостроительного искусства”
Shuba Aliaksandr, Bauhaus-Universität Weimar, Germany, and Pavol Jozef Šafárik University in Košice, Slovakia
Self-censorship or Censorship with Corrections in the Two Volumes of A. V. Bunin’s and T.F. Savarenskaya’s Textbooks on the History of the Art of Urban Planning
 Язык - Language: русский - Russian

После окончания московского ВХУТЕИНа в 1930 году А. В. Бунин работал над генеральным планом Москвы в бригаде Курта Мейера, а также принимал участие в дискуссии о месторасположении Дворца Советов в первом полугодии 1930-х годов. После вовлеченности в архитектурные и градостроительные проблемы А. В. Бунин и его коллеги стали инициаторами появления отдельной учебной дисциплины истории градостроительства (история градостроительного искусства) в 1940-х годах. Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта urbanHIST и посвящен сохранившимся свидетельствам исправлений, цензуры и самоцензуры в процессе работы над рукописью учебника А. В. Бунина и Т. Ф. Саваренской по истории градостроительного искусства, когда были удалены и добавлены отдельные части в книгах. Критически анализируются и интерпретируются архивные документы, касающиеся частей «Массовая типовая и повторная застройка городов» и «Вклад советских архитекторов в создание функционального стиля», а также доклад касается неопубликованной цитаты об участии советской делегации в XIII Международном конгрессе архитекторов 1935 года в Риме, присутствующее в рукописях учебников А. В. Бунина и Т. Ф. Саваренской 1950-х и 1970-х годов. Сравнительный анализ архивных документов и рукописей с опубликованными текстами А. В. Бунина и Т. Ф. Саваренской проводится в контексте исследования их личных документов и политической ситуации в СССР в 1930 – 1970-е гг.

After the graduation from the Moscow VKHUTEIN in 1930, A. V. Bunin worked on the general master plan of Moscow in the brigade of Kurt Meyer and took part in the discussion about the location of the Palace of Soviets in the first half of the 1930s. After these working experiences, A.V. Bunin and his colleagues worked on shaping a separate academic discipline of history of urban planning (history of the art of urban planning) that emerged in Moscow during the 1940s. This part of the critical analysis under the urbanHIST research project focuses on the preserved evidence of corrections, censorship and self-censorship through removed and added parts in the A.V. Bunin’s and T.F. Savarenskaya’s textbooks on the History of the Art of Urban Planning. This critical analysis of the archival and published documents focuses on shaping the parts: “The Mass Standard and Repeated Urban Development of Cities”, “the Soviet Contribution to the Functionalist Style”, and an unpublished fragment on the participation of the Soviet delegation at the 13th International Congress of Architects of 1935 in Rome in “The History of the Art of Urban Planning” textbooks by A.V. Bunin and T.F. Savarenskaya from the 1950s and 1970s. The comparison of the archival documents with the published texts by A.V. Bunin and T.F. Savarenskaya is implemented with the political contextualisation of their published and private materials.

- 4 Асли Кан, Университет Йедитепе, Стамбул, Турция
Эволюция восприятия традиционной архитектуры начала XX века от послевоенного времени до наших дней. Случай Турции
Asli Can, Yeditepe University, Istanbul, Turkey
Changing perceptions of traditionalist architecture of the early XX c. from the post-war years until today. The case of Turkey
 Язык - Language: английский - English

Османское возрождение или, иными словами, традиционалистская архитектура Османской империи, в архитектурной истории Турции описывается как стиль, существовавший в государстве с 1908 по 1927 гг., отличающийся использованием классических османских архитектурных форм, орнаментов и визуальных элементов фасадных конструкций. Сам стиль рассказывает историю, альтернативную за счет политической и архитектурной среды, в которой он вырос, строительных материалов, которые содержит, и глубокого классицистского понимания больших строительных масс, в которых он существует. Он складывается как особая архитектоника в поздний период османской архитектуры; с

появлением концепции тюркизма, возникшей после распада Османской империи и начала Первой мировой войны, а термины «ватан» [отечество] и «миллет» [нация], воспламененные Войной за независимость, изменили само содержание Османского возрождения как раз перед построением ранней республики. Стиль стал олицетворять турецкость. С исчезновением Османской империи с исторической сцены и созданием Турецкой Республики Османское возрождение переходит в свою следующую репрезентативную фазу. Это новое содержание, хотя и не столь радикальное, как предыдущее, стало продолжением идеологии тюркизма, возникшей во время войны, но теперь оно соответствовало культурному и ментальному построению нового национального государства. Стиль, который особенно ярко проявился в государственных зданиях между 1923 и 1927 гг., ушел с исторической сцены, когда кемалистская идеология обратилась лицом к Западу, пытаясь формировать новое национальное государство по образцу западных цивилизаций, и национализм отступил с магистральной линии. Этот уникальный случай представляет собой символический стилистический переход архитектурного движения, которое рассматривается как отражение государственной политики. Понимание и оценка этого явления также будет оценкой весьма агрессивного превращения империи в национальное государство.

The Ottoman Revivalism, in other words, the traditionalist architecture of the Ottoman Empire, in the architectural history of Turkey is described as a style that existed in the state from 1908 to 1927, manifested using classical Ottoman architectural forms, ornament patterns and visual elements in façade designs. The very style tells an alternative story with the political and architectural environment in which it sprouted, the building materials it contains, and the intense classicist understanding of the large building masses it reveals as a product. Beginning as the representative architectonic style of the late Ottoman architectural period; after the concept of Turkism, which emerged when the Ottoman Empire collapsed and the First World War came, and the terms 'Vatan' [Fatherland] and 'Millet' [Nation], ignited by the War of Independence, changed the content of the Ottoman Revivalism just before the Early Republic. The style began to represent Turkishness. With the disappearance of the Ottoman Empire from the stage of history and the establishment of the Republic of Turkey, the Ottoman Revivalism moves to its next representative phase. Although not as radical as the previous one, this new meaning, which is the extension of the Turkism ideology that emerged during the war, this time corresponds to the cultural and imaginary construction of a newly established nation-state. The style, which was seen especially in state buildings between 1923 and 1927, was erased from the stage of history when Kemalist ideology turned its face completely to the West, tried to construct the newly formed nation-state on the model of Western civilizations, and nationalism found itself in the lower steps of the revolutions during all this construction. This unique case is a symbolic transition of the architectural movements in a stylistic way, which is counted as a representation of the state policies. Understanding and evaluating it would also be the evaluation of the conversion from the Empire to the nation-state in a very aggressive way.

- 5 Печенкин Илья Евгеньевич, НИИТИАГ – РГГУ, Москва
Архитектор и власть, Случай И.В. Жолтовского
Pechenkin Ilya, Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban-planning –
Russian State University for the Humanities, Moscow
Architecture and Power. The case of Ivan Zholtovsky
Язык - Language: русский - Russian

Тема взаимоотношений художника и заказчика, обладающего материальными и административными ресурсами, вечна и неисчерпаема. Однако именно опыт советской эпохи, максимально близкий нам по времени, является наиболее удобным объектом для исследования этой темы. Среди многочисленных сюжетов, иллюстрирующих её различные грани, выделяется случай Ивана Владиславовича Жолтовского (1867—1959), чья роль в истории советской архитектуры 1920—1940-х гг. вполне экстраординарна.

И.В. Жолтовский начал профессиональную карьеру в самом начале XX в., к 1917 г. он снискал репутацию наиболее радикального неоклассика, прибегавшего в своих проектах и постройках к прямым цитатам памятников античности и Ренессанса. Круг его заказчиков при этом составляли представители крупной московской буржуазии, пресса рекомендовала его как «архитектора миллионеров». Тем примечательнее метаморфоза, случившаяся с Жолтовским в первые послереволюционные месяцы. Он занял немалую должность в Наркомате просвещения, оказавшись фактически во главе всей архитектурно-строительной отрасли Советской России, и выступил в роли главного архитектурного интеллектуала. Это было бы невозможно без покровительства самого А.В. Луначарского. Дальнейшие события показывают наличие у Жолтовского и других влиятельных покровителей, позволившее ему занять и сохранять приви-

легированное положение «патриарха» советской архитектурной школы, избегая при этом роли «придворного» архитектора. Пожалуй, уникальность случая Жолтовского состоит в том, что творческая программа этого архитектора практически не испытывала воздействия конъюнктуры, для поддержания статуса ему почти не приходилось изменять своим стилевым симпатиям, устоявшимся ещё в 1900—1910-х гг.

A question of the relationship between artist and customer, who holds material as well as administrative resources, is eternal and inexhaustible. Definitely, experience of the Soviet era, which is as close to us in time as possible, that is the most convenient object for studying this topic. Among the numerous plots illustrating its various aspects, the case of Ivan Vladislavovich Zholtovsky (1867-1959) stands out, because his role in the history of Soviet architecture in the 1920s-1940s was quite extraordinary. Zholtovsky's professional career had started at the very beginning of the twentieth century; by 1917, he has gained a reputation of the most radical Neoclassicist, who used some quotations from Antiquity and Renaissance monuments in his projects and buildings. At the same time, the pool of his customers included the top of Moscow bourgeoisie, so journalists named him as an 'architect of millionaires'. All the more remarkable is the metamorphosis that happened to Zholtovsky in the first post-revolutionary months. He took up a significant position in the People's Commissariat of Education, being in fact at the head of the entire architectural and construction industry of Soviet Russia, and acted as the main architectural intellectual. This would have been impossible without the patronage of A.V. Lunacharsky. Further events show the presence of other Zholtovsky's influential patrons, which allowed him to occupy and maintain the privileged position of the 'patriarch' of the Soviet architectural school, while avoiding the role of a 'court' architect. Perhaps the uniqueness of Zholtovsky's case is in the fact that the artistic program of this architect practically did not experience the influence of the conjuncture: to keep his status, he almost did not have to change his stylistic sympathies, which were established already in the 1900-1910s.

VIII

«Образы» Иофана: параллели и влияния в архитектуре 1920-1940-х гг Iofan's "reflections": parallels and influences in the 1920-1940s architecture

- I Джунта Марко, архитектор, историк архитектуры, Рим, Италия
Колоннезе Фабио, Университет Ла Сапиенца, Рим, Италия
Культ тела между изобразительностью и абстракцией. Колосс Дуче
Giunta Marco, architect, historian of architecture, Rome, Italy
Colonnese Fabio, University La Sapienza, Rome, Italy
The Cult of Body between Figuration and Abstraction: the Duce's Colossus
Язык - Language: английский - English

От представления Афона в портрете Александра Македонского, предложенного Динократом и описанного Витрувием, до Колосса Родосского и подражания ему при Нероне, неоднократно использовавшегося для презентации очередного возвысившегося властителя; от Статуи Свободы до индийской статуи Единства, через гору Рашмор, физическое и пространственное превознесение человеческого тела являлось фундаментальной формой репрезентации власти, особенно при авторитарных режимах. Статуя Ленина на вершине мощной массы Дворца Советов, сначала в предложении Армандо Бразини (1932 г.), а затем в проекте Бориса Иофана (1934 г.), способствовало прославлению одной из автократий XX в. посредством использования символической силы классической образности и неизбежного сохранения коллективных образов, с отвержением холодных анти-риторических образов европейского рационализма. В 1933 г. Ренато Риччи, президент Национальной оперы балилья, предложил перенести место «явления» Дуче с площади Пьяцца Венеция на склоны Монте-Марио. Ожидалось, что новый огромный Аренго делле Нацциони будет подражать гигантским собраниям Гитлера, организованным под руководством Альберта Шпеера и Лени Рифеншталь в Нюрнбергском Цеппелинфельде. Проект поручили молодому Луиджи Моретти, который незадолго до того сменил Энрико Дель Деббио в роли координатора мероприятий на Форо Муссолини. Огромная эспланада на заднем плане венчалась брон-

зовым колоссом, изображавшим Геракла, божество, связанное с рождением Рима; он должен был превзойти антифигуративный мраморный монолит, спроектированный Константины и возведенный всего несколькими годами ранее, в 1932 г. Сохранилось мало документов от этого проекта, в контексте которого следует воспринимать статую высотой 87 м, заказанную скульптору Арольдо Беллини – он моделировал ее в соответствии с телом Муссолини. Здание-постамент, предназначенное для размещения материалов знаменитой Выставки фашистской революции, стало предметом конкурса проектных предложений, одобренного самим Риччи. Эмбарго после вторжения в Эфиопию в 1936 г. и последующий автаркический режим заморозили работу, когда были готовы только голова и одна ступня статуи. В ожидании возобновления работ тело Муссолини нашло другое воплощение в его частном спортзале, задуманном Риччи и Моретти как роскошное одеяние для тела Дуче, создав необычайный синтез между фигуративностью и абстракцией.

From shaping the Mount Athos in a portrait of Alexander the Macedonian, proposed by Dinocrates and described by Vitruvius, to the Colossus of Rhodes and its Neronian follower, repeatedly adapted to depict the raising dominus; from the Statue of Liberty to the Indian statue of Unity, passing through Mount Rushmore, the physical and dimensional exaltation of human body is a fundamental representation of power, especially in authoritarian regimes. The statue of Lenin on the top of the mighty mass of the Palace of the Soviets, first in Armando Brasini's proposal (1932) and then in Boris Iofan's project (1934), contributes to celebrating one of the autocracies of the 20th century through the use of the symbolic power of classical figuration and its inevitable hold on the collective imagery, setting aside the cold anti-rhetorical figurations of European Rationalism. In 1933, Renato Ricci, President of the National Balilla Opera, proposes to move the place of the Duce's "epiphanies" from Piazza Venezia to the slopes of Monte Mario. The new vast Arengo delle Nazioni is expected to imitate Hitler's oceanic gatherings directed by Albert Speer and Leni Riefenstahl in the Nuremberg Zeppelinfeld. The project is entrusted to the young Luigi Moretti, who has recently replaced Enrico Del Debbio in the role of coordinator of the interventions in the Foro Mussolini. The immense esplanade has in the background a bronze colossus depicting Hercules, a divinity connected to the birth of Rome, which would have obscured the anti-figurative marble monolith designed by Costantini and erected only a few years earlier, in 1932. Few documents survive of this project through which to understand the statue, 87 meters high, entrusted to the sculptor Aroldo Bellini and modeled directly on the body of Mussolini. The building-basement intended to house the materials of the famous Exhibition of the Fascist Revolution, is instead the subject of an invitation competition endorsed by Ricci himself. The embargo following the invasion of Ethiopia in 1936 and the consequent autarkic regime freeze the work when only the head and one foot of the statue had been shaped. While waiting to resume the work, Mussolini's body finds a second incarnation in his private gymnasium, conceived by Ricci and Moretti as a luxurious dress sewn onto the Duce's body, in an extraordinary synthesis between figuration and abstraction.

2 Арутюнян Тигран, архитектор, историк архитектуры, Москва – Ереван, Армения *История всесоюзного конкурса на монумент Степана Шаумяна в Ереване* Harutyunyan Tigran, architect, historian of architecture, Moscow – Erevan, Armenia *A History of All-Union competition for Stepan Shaumyan monument in Yerevan* Язык - Language: русский - Russian

Первые архитектурные конкурсы, проходившие в 1920-х годах в Советской Армении, содержат в себе и в то же время скрывают ключевые идеологические, профессиональные процессы и противостояния, определившие становление советской армянской архитектуры. В 1926 году в Советской Армении прошел первый в современной истории страны архитектурный конкурс – конкурс на проектирование здания Народного Дома в Ереване, ставшее затем зданием Оперы и балета. Организатором выступил академик архитектуры Александр Таманян. В составе жюри был также и Владимир Щуко. Затем, после долгой полемики, в которой особую роль имело яростное сопротивление проекту молодых конструктивистов Каро Алабяна, Микаэла Мазманяна, Геворка Кочара и других, к исполнению был принят именно проект Таманяна. Через год, в 1927 году, состоялось не менее важное событие в архитектурной истории молодой республики – всесоюзный конкурс на проект «Памятника 26 бакинским комиссарам» в Ереване, который в последующем был преобразован в конкурс на «Монумент Степана Шаумяна» - главы 26 бакинских комиссаров. В этом конкурсе Александр Таманян выступил председателем жюри. Конкурс проходил в два этапа. По результатам был выбран проект скульптора Григория Кепинова и архитектора Александра Гринберга, поддержанный и самим Таманяном. Однако под давлением авторитетных культурных деятелей – художника Мартироса Сарьяна и писательницы Мариэтты Шагинян был выбран и затем реализован проект Сергея Меркурова и Ивана Жолтовского, занявший второе место на конкурсе. К сожалению, видимо, из-за небольшого масштаба монумента, данный сюжет истории архитектуры Армении остался малоизученным.

Данный доклад ставит целью переосмыслить во временной траектории историю этого одного из самых интересных событий, произошедших в советской архитектуре 1920-х годов, а также рассмотреть его в качестве политического инструмента налаживания диалога между центральной властью и периферией Советской империи.

The first architectural competitions, held in the 1920s in Soviet Armenia, contain and, at the same time, hide the key ideological, professional processes and confrontations that were determined by the formation of Soviet Armenian architecture. In 1926, the first architectural competition in the country's modern history was held in Soviet Armenia; it was for the design of the building of the People's House in Yerevan (later, the Opera and Ballet Theatre). The organizer was Academician of Architecture Alexander Tamanyan. Vladimir Schuko was also a guest jury. After the controversies and disputations, and the increasing resistance of young Constructivists Karo Alabyan, Mikael Mazmanyanyan, Gevorg Kochar, and others, the Tamanyan's project that was implemented. A year later, in 1927, not less important event in the architectural history of the young republic took place: the all-Union competition for the project of a Monument for 26 Baku Commissars in Yerevan, which was later reformatted into a competition for the Stepan Shaumyan Monument, who was the leader of those 26 Commissars in Baku. At that competition, Alexander Tamanyan was the chairman of the jury. The competition was held in two stages. Based on the results, the winner was the project by sculptor Grigory Kepinov and architect Alexander Grinberg, which was supported by Tamanyan himself. However, under some pressure from authoritative cultural figures – artist Martiros Saryan and writer Marietta Shaginyan – the project, which took the second place in the competition, was chosen and subsequently implemented – that one by Sergey Merkurov and Ivan Zholtovsky. Unfortunately, due to the small scale of the monument, considering it was not insignificant for the architectural history of the country, the history has remained poorly understood. In a temporal trajectory, the aim of this text is to reconsider the history of one of the interesting events that took place in Soviet architecture in the 1920s – the creation of the Stepan Shaumyan Monument in Yerevan, particularly, in the context of establishing a dialogue between the central government and the periphery of the Soviet Empire.

- 3 Бархин Андрей Дмитриевич, архитектор, Москва
К вопросу об истоках стиля советской архитектуры 1930-х: венская школа и творчество Отто Вагнера.
Barkhin Andrey, architect, Moscow
On the question of the origins of the style in the Soviet architecture of the 1930s: the Viennese school and the work of Otto Wagner
Язык - Language: русский - Russian

Стилевые приемы стали в 1930-е годы явлением общемировой архитектурной моды, и источником вдохновения для мастеров были нередко новации 1910-х гг. Это влияние на стилистику ар-деко в мире и советскую архитектуру 1930-х оказали в том числе и проекты Отто Вагнера (1841–1918), юбилей которого также выпадает на 2021 год. В работах мастера и его учеников 1910-х можно заметить и различные геометризованные детали, и ребристые пилястры, и мотив башни с динамично установленной скульптурой – эта тема получит еще более эффективное развитие в творчестве Бориса Иофана. Венская архитектурная школа в 1910-е наметила два русла дальнейшего развития, усложненную и аскетичную вариацию стиля. Однако то, что в 1910-е годы было эстетической революцией, оказалось после катастрофы Первой мировой войны уже необходимостью, следствием экономических и идеологических обстоятельств. Так творчество венских мастеров 1910-х стало одним из источников для формирования стиля советской архитектуры 1930-х.

In the 1930s, stylistic techniques became a phenomenon of global architectural fashion, and the innovations of the 1910s were often a source of inspiration for the masters. That influence on the Art Deco style in the world and on Soviet architecture of the 1930s was exerted by the projects of Otto Wagner, whose anniversary also falls in 2021. In the works of the master and his students of the 1910s, one can notice various geometrized details, ribbed pilasters, and the motif of a tower with a dynamically installed sculpture – the theme would receive an even more effective development in the work of Boris Iofan. In the 1910s, the Vienna School of Architecture outlined two channels for further development, a complicated and ascetic variation of the style. However, what was an aesthetic revolution in the 1910s turned out to be a necessity after the catastrophe of the WWI, a consequence of the economic and ideological circumstances. So, the work of Viennese masters of the 1910s became one of the sources for Soviet architecture in the 1930s.

4 Гурари Марк Натанович, Совет Союза московских архитекторов по градостроительному развитию и сохранению исторической среды

Роль проекта дворца советов в эволюции градостроительного ансамбля Москвы

Gurari Mark, Council of Moscow Union of Architects for urban development and conservation of historical environment, Moscow

The Palace of Soviets and its role in Moscow city planning evolution

Язык - Language: русский - Russian

Главенство Кремля и Красной площади в градостроительном ансамбле Москвы стало ослабевать к концу XIX века. Объекты Кремля, Красной площади по-прежнему просматривались с речных долин и центральных улиц, но в городские панорамы вторглись новостройки, возводимые на повышенных отметках периферии, внутри Белого города также выросли многоэтажки. Новой доминантой стал храм Христа Спасителя высотой более 100 м, его крупномасштабный купол виднелся издали. Дворец Советов, встающий на место храма, должен был усилить доминирование, насыщая сакральное пространство столицы новыми смыслами соответственно бердяевской формуле «Третий Рим – III Интернационал». В конкурсных проектах Дворца Советов Б.М. Иофана прочитывается поэтапное движение от распластанной группы зданий к компактному ярусному объему высотой 200 м. Затем назначенные Б.М. Иофану соавторы В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейх поспешно водружают сверху памятник Ленину. Кресты над храмом, освящавшие московские просторы, сменились гигантской языческой статуей. По генплану 1935 г. этот продукт коллективного творчества, гибрид зала и монумента общей высотой более 400 м, становился абсолютной доминантой столицы. Объем Дворца Советов, напоминающий небоскребы Нью-Йорка, притом близок, конечно, без гиперболизации, как ни странно, архитектурной традиции русских башенных храмов.

Есть некоторая общность этих двух объектов, назначенных доминировать в историческом центре. В облике обоих закреплена уже намечавшаяся смена архитектурной стилистики, отразившая, по-своему, поворот направленности на тот момент государственно-идеологической политики. Возможно, излишняя декларативность этих преобразований в архитектурном решении в некоторой степени определила недостаточно высокий уровень архитектуры обоих зданий. Возведение Дворца, прозванного «кафедральным собором Коминтерна», после войны не возобновилось, сам Коминтерн распустили еще в 1943 г. Однако в проекте «сталинских высоток» Дворец Советов сохранен как некий идеал. В реальной жизни утопический Дворец как бы разделится на семь высотных построек - коллективный монумент Победы в Великой Отечественной войне – но с меньшими габаритами, со ступенчатыми силуэтами и выразительными навершиями. «Семь сестер» закрепили ландшафтно-градостроительные узлы выросшей Москвы, три из них встали на кольце Земляного вала, акцентируя центральное расположение Кремля. В сочетании новейших конструктивных решений с историческими элементами фасадов своеобразно отражены общие проблемы поиска дальнейшего пути. Эта ре-эволюция завершилась восстановлением храма Христа Спасителя. Так само время возродило композиционное и духовное главенство исторического центра столицы, теперь поддержанное «сталинскими высотками».

The dominance of the Kremlin and Red Square in the urban ensemble of Moscow began to weaken towards the end of the nineteenth century. Objects of the Kremlin and Red Square were still visible from the river valleys and central streets, but new buildings erected at elevated levels of the periphery invaded the city panoramas, and high-rise buildings also grew inside the White City. The new dominant was the Cathedral of Christ the Savior, more than 100 m high; its large-scale dome was visible from afar. The Palace of Soviets, replacing the temple, was supposed to strengthen the dominance, saturating the sacred space of the capital with new meanings in accordance with Berdyaev's formula of the 'Third Rome – Third International'. In the competition projects of the palace made by B. Iofan, a gradual movement from a spread-out group of buildings to a compact tiered volume with a height of 200 m can be observed. Then, the co-authors V. Schuko and V. Gelfreich, appointed by B. Iofan, hastily erect a monument to Lenin on the top. The crosses over the temple, which consecrated the vastness of Moscow, were replaced with a giant pagan statue. According to the General Plan of 1935, that product of collective creativity, a hybrid of a hall and a monument with a total height of more than 400 m, would become the absolute dominant of the capital. The volume of the Palace of Soviets, a reminiscent of New York skyscrapers, was close, oddly enough, to the architectural tradition of Russian tower churches, of course, without its exaggeration.

There is some commonality between these two objects, designated to dominate in the historic centre. In the outlook of the both buildings, the already outlined change in architectural style was fixed, reflecting, in a certain way, a turn to the state-ideological policy of that time. Perhaps, the excessive declarative character of those transformations in the architectural solutions determined to some extent the insufficiently high level of architecture of the both buildings.

The construction of the Palace, nicknamed 'the cathedral of the Comintern', did not resume after the WWII, the Comintern itself was dismissed in 1943. However, in the project of the 'Stalin's skyscrapers' the Palace of Soviets was preserved as a certain paragon. In the real life, the Utopian Palace seemed to be divided into seven high-rise buildings – a collective monument

to the Victory in the Great Patriotic War (WWII) – but in smaller scale, with stepped silhouettes and expressive tops. The 'Seven Sisters' secured the landscape and town-planning units of the grown Moscow, three of them stood on the ring of the Zemlyanoy Val, accentuating the central location of the Kremlin. In a combination of the latest design solutions with historical elements of the façades, the general problems of finding a further path are uniquely reflected. The re-evolution ended with the restoration of the Cathedral of Christ the Savior. This is how time itself revived the compositional and spiritual supremacy of the historical centre of the capital, now supported by the 'Stalin's skyscrapers'.

- 5 Штиглиц Маргарита Сергеевна, НИИТИАГ – СПбГХПА им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург
Вайтенс Андрей Георгиевич, СПбГАСУ, Санкт-Петербург
*Творчество ленинградских архитекторов Г.А. Симонова и Л.М. Хидекеля в 1930-е
годах: от «супрематического конструктивизма» к модернизации классики*
Shtiglits Margarita, Stieglitz State Academy of Art and Design, Saint Petersburg
Vaytens Andrey, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
*The work of Leningrad architects Grigory Simonov and Lazar Khidekel in the 1930s: from
“suprematist constructivism” to the modernization of the classics*
Язык - Language: русский - Russian

В творчестве ярких представителей авангарда – Г.А. Симонова и Л.М. Хидекеля последовательно реализовались принципы формообразования в ленинградском зодчестве этого периода. Оба архитектора вышли из стен Петроградского Института гражданских инженеров (ПИГИ), где они впоследствии преподавали. В институте Симонов и Хидекель попали в сферу влияния А. С. Никольского, харизматического лидера новаторского направления – «супрематического конструктивизма». Эта версия авангарда составляла один из главных приоритетов ленинградской архитектурной школы. Кредо Никольского определялось диалектической взаимосвязью функциональной и формальной сторон. К функциональному методу тяготел Симонов, тогда как Хидекель воплощал принципы супрематизма. Школьный комплекс на улице Ткачей (1927-1929), построенный по проекту Симонова при участии Хидекеля – программное произведение ленинградского авангарда – сочетает творческие манеры двух мастеров в период расцвета их новаторских исканий. Архитектурно-планировочное решение школы носит следы влияния Баухауза, но не сводится к ортодоксальному функционализму. В «супрематическом ордере» композиции зального корпуса пролеживается почерк Хидекеля. Общий поворот советской архитектуры 1930-х годов к освоению классического наследия оборвал развитие авангарда. Тема «модернизации классики» в творчестве Хидекеля и Симонова реализовывались в этот период по-разному. Переходная стилистика, сочетающая новаторские приемы и классический декор, близкая эстетике ар-деко, присуща работам Симонова. В асимметричных жилых комплексах Симонова, прослеживается связь с архитектурой конструктивизма, хотя в жилом квартале на Малоохтинской набережной, зодчий полностью разрабатывает темы модернизированной классики. Хидекель в сложившихся обстоятельствах ищет новый универсальный язык, синтезирующий методы авангарда и элементы классики. «Супрематический ордер» в его произведениях уступил место модификациям монументального ордера, что наиболее наглядно проявилось в архитектуре кинотеатра «Москва». Супрематическое видение структуры здания проступает в решении плана и объемов – независимо от внешней стилистики. Следует отметить, что работы этих архитекторов входили составной частью в широкий диапазон поисков новой архитектурной формы на основе переосмысления классицистических традиций. Эта сложная тема пока недостаточно освещена в специальной литературе.

In the works of the outstanding representatives of avant-garde, G.A. Simonov and L.M. Khidekel, the formal principles of the Leningrad architecture of that period were consistently implemented. Both architects graduated from the Petrograd Institute of Civil Engineers (PIGI), where they later taught. At the Institute, Simonov and Khidekel fell into the sphere of influence of A.S. Nikolsky, the charismatic leader of the innovative direction – 'Suprematist Constructivism'. That version of avant-garde was one of the main priorities of the Leningrad architectural school. Nikolsky's credo was determined by the dialectical interrelation of the functional and formal sides. Simonov tended to the functional method, while Khidekel embodied the principles of Suprematism. The school complex in Tkachey Street (1927-1929), built according to a Simonov's project with the participation of Khidekel is a program work of Leningrad avant-garde; it combines the creative manners of those two masters in the heyday of their innovative searches. The architectural and planning solution of the school bears traces of the

influence of the Bauhaus, but is not reduced to orthodox Functionalism. The 'Suprematist order' of the composition of the main building testifies the manner of Hidekel. The general turn of the Soviet architecture of the 1930s to the development of Classical heritage interrupted the development of avant-garde. The theme of 'modernization of Classics' in the works by Hidekel and Simonov was implemented in different ways during that period. A transitional style combining innovative techniques and Classic decor, close to the aesthetics of Art Deco, is inherent in Simonov's works. In the asymmetric residential complexes by Simonov, there is a connection with the architecture of Constructivism, although in the residential quarter on Malookhtinskaya Emb., the architect fully develops the themes of modernized Classics. Under the circumstances, Hidekel was looking for a new universal language that would synthesize the methods of avant-garde and elements of Classics. The 'Suprematist order' in his works gave way to modifications of the monumental order, which was most clearly manifested in the architecture of the Moscow cinema. The Suprematist vision of the structure of the building appears in the solution of the plan and volumes-regardless of the external style. Noteworthy, the works by those architects were a part of a wide range of searches for a new architectural form based on the reinterpretation of Classicist traditions. That complex topic has not yet been sufficiently presented in professional literature.

IX

Трансмиссия «итальянской школы» в 1920-1930-е гг: методы и границы **Transmission of «Italian school» in 1920-1930s: methods and limits**

- I Галликьо Алессандро, Университет Сорбонна, Париж, Франция
Архитекторы на службе колониального фашизма. Модели и распространение идеологического проекта «римской» Албании (1939-1941)
Gallicchio Alessandro, Sorbonne University, Paris, France
Italian architects at the service of the colonial fascism. Models and circulations of the ideological project of "Roman" Albania (1939-1941)
Язык - Language: английский - English

В 1940 г. павильон Албании на колониальной выставке в Неаполе впервые предложил итальянское и фашистское прочтение прошлого этой балканской страны, подчеркнув культурные и географические причины в убедительной визуальной демонстрации: ее «римская» идентичность, ее расположение в 71 км от итальянского побережья и ее археологических сокровищ. На основе этого первого случая, в статье делается попытка подвергнуть сомнению природе художественных произведений, задуманных для этого идеологического проекта, проанализировать исторические дискурсы, созданные вокруг мифа о римской и фашистской Албании, и расшифровать визуальные стратегии, использованные в неаполитанском павильоне. Архитектурная структура этого павильона спроектирована дуэтом архитекторов Герардо Босио и Никколо Берарди, уже работавших в Эфиопии и в регионе о-вов Додеканес. В те же годы они участвовали в амбициозном проекте в Албании: построении зданий виале дель Империи, открытой в 1939 г. с целью придать городу Тиране новую фашистскую идентичность. Идеологическое измерение неаполитанского проекта и отсылки к архитектуре «заморских колоний», очевидно, проявляются в диалоге между рационализмом и академическими формами, а также в поисках рационального синтеза, где прошлое противостоит монументальному синтаксису настоящего, настаивая на об унитарности этих пространств.

In 1940, the Albania Pavilion at the colonial exhibition in Naples proposed, for the first time, an Italian and Fascist reading of the past of this Balkan country, evoking cultural and geographical reasons in a suggestive visual display: its "Roman" identity, its location 71 km from the Italian coast, and its archaeological treasures. From this original case, the paper tries to question the nature of the artistic productions conceived for this ideological project, to analyze the historical discourses produced around the myth of the Roman and Fascist Albania and to decipher the visual strategies employed in the Neapolitan pavilion. The architectural structure of this pavilion is designed by a duo of architects, Gherardo Bosio and Niccolò Berardi, already active

in Ethiopia and in the Dodecanese region. In the same years, they worked on an ambitious project in Albania: the realization of the *viale dell'Impero's* buildings, inaugurated in 1939 to give the city of Tirana a new Fascist identity. The ideological dimension of the Neapolitan project and the references to the *oltremare's* architecture seem to be manifested in the dialogue between rationalism and academic forms, and in the search for a rational synthesis, where the past confronts itself with the monumental syntax of the present, insisting on the unitary character of these spaces.

2 Масиель Санчес Лев Карлосович, Научно-исследовательский университет “Высшая школа экономики” – НИИТИАГ

«Итальянская» неоклассическая Эривань Таманова и Буниатова: альтернатива “национальному”?

Maciel Sanchez Lev, National research university ‘Higher School of Economics’ – Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban-planning

“Italian” Neoclassical Erivan’ of Tamanov and Bouniatov: an alternative to ‘The National’?

Язык - Language: русский - Russian

Эривань в 1920-е гг. из небольшого губернского центра превратилась в столицу мирового армянства. Старый персидский город, радикально перестраивавшийся по знаменитому плану Александра Таманяна (Таманова; 1878-1936), был настоящей лабораторией стратегий и стилей советской архитектуры. Самый известный продукт лаборатории – придуманный Таманяном ориентированный на армянское средневековье историзм, который станет первой из национальных версий сталинской неоклассики. Другие направления местной архитектуры изучены мало; одним из наиболее ярких было неоклассическое. Оно было представлено весьма многочисленными постройками того же Таманова, бывшего до революции крупным представителем петербургского неоклассицизма. В нем преимущественно работал и Николай Буниатов (1884–1943), также петербургский выученик, бывший в те годы главным архитектором Эривани. Интересно, что оба мастера часто включали в свои неоклассические постройки отсылки к итальянской архитектуре. А самые известные жилые дома Буниатова на одном из главных перекрестков новой столицы были вообще весьма сходны как с итальянскими опытами 1920-х гг., так и с домами Иофана на Русаковской ул. Представляется, что в эту экспериментальную эпоху (расцвет «империи положительной деятельности» по Терри Мартину) образ Италии мог видеться как один из вариантов современной архитектуры для Армении. Он использовался, кстати, и в других национальных автономиях юга советского государства – например, в Дагестане и Абхазии. Несмотря на широту применения, в Армении это направление не получило дальнейшего развития. По мере укрепления диктатуры к концу 1930-х гг. национальный стиль Таманяна полностью сменил итальянскую архитектуру Таманова и Буниатова.

In the 1920s, Erivan’ turned from a small provincial centre into the capital of the world Armenians. The old Persian city, which was radically rebuilt according to the famous plan of Alexander Tamanyan (Tamanov; 1878-1936), became a real laboratory of strategies and styles for Soviet architecture. The most famous product of this laboratory is the Historicism invented by Tamanyan, focused on the Armenian Middle Ages. It will become the first of the ‘National’ versions of Stalinist Neoclassicism. Other trends of local architecture have been studied less. One of the most striking was Neoclassicism. It was represented, first of all, by numerous buildings by the same Tamanov, who was a major representative of St. Petersburg Neoclassicist school before the Revolution. The second protagonist was Nikolai Buniatov (1884-1943), who also studied in St. Petersburg, and was the chief architect of Erivan’ those years. Interestingly, both masters often included references to Italian architecture in their Neoclassical buildings. And the most famous residential houses by Buniatov at one of the main street intersections of the new capital were quite similar both to the Italian buildings of the 1920s, and to the houses by Iofan in Rusakovskaya Street. It seems that in that experimental era (the heyday of ‘the empire of positive action’ according to Terry Martin), the image of Italy could be seen as one of the variants of modern architecture for Armenia. It was used, by the way, in other national autonomies of the South of the Soviet state – Dagestan and Abkhazia, for example. But, despite the breadth of application in Armenia, that direction has not received further development. As the dictatorship strengthened by the end of the 1930s, Tamanyan’s national style completely replaced Tamanov and Buniatov Italianate architecture.

X

Судьбы наследия 1930-х годов

The fate of the 1930s legacy

- 1 Киани Мостафа, Университет Тегерана, Иран
Эшраги Саманех, Ближневосточный Университет, Никосия, Кипр, аспирант
Место исторической и качественной ценности Железнодорожного вокзала в Мешхеде в эпоху Пехлеви (1922–1979)
Kiani Mostafa, Tehran University, Iran
Eshraghi Samaneh, Near East University, Nicosia Cyprus, Ph.D. fellow
The Place of historical and qualitative values of Mashhad Railway Station in Pahlavi Era (1922-1979)
Язык - Language: английский - English

Особое внимание проектированию общественных зданий в Иране уделялось в течение первого периода Пехлеви, и в это время было проведено множество исследований общественных зданий. Вокзалы были типичным примером общественных зданий, привлекавших архитекторов. В этой статье исследуется строительство железных дорог в связи с повсеместными и растущими потребностями населения и ставится вопрос, как модернизировать эти здания для удовлетворения новых потребностей. Целью данной статьи является исследование и реконструкция качественной и исторической ценности таких зданий, а также их соответствие требованиям современности. Было изучено использование библиотечных методов для изучения исторических ценностей периода Пехлеви, а также использование полевых методов для выявления структуры и ее изменений. В этой статье мы сначала рассмотрим современную историю, а затем исследуем и определим характеристики общественных зданий эпохи Пехлеви и их особенности. Наконец, исследуя качественные и исторические ценности Мешхедской железной дороги и ее позицию в современной истории, определим место этих ценностей в процессе модернизации здания.

The design of public buildings in Iran during the first Pahlavi period received special attention and many studies have been done on public buildings in that period. Railway station buildings were a typical example of public buildings that attracted architects. This article examines the railway construction due to the widespread and increasing need of the people and examines how to modernize these buildings to meet new needs. The purpose of this article is to examine and reconstruct the quality and historical values of such buildings as well as to meet the needs of the day. The use of the library methods in studying the historical values of the Pahlavi period, as well as the use of field methods for identifying the structure and its changes have been analyzed. In this article, we will first examine contemporary history and then examine and identify the public buildings of the Pahlavi era and its features. Finally, by examining the qualitative and historical values of the Mashhad Railway and its position among contemporary history, the place of these values in the process of modernization of the building is determined.

- 2 Шурыгина Ольга Сергеевна, историк архитектуры, Москва
Гаражи власти: к истории советской архитектуры 1930-х годов
Shurygina Olga, historian of architecture, Moscow
Garages of Power: On the history of 1930s Soviet architecture
Язык - Language: русский - Russian

Объекты инфраструктуры, обслуживающей государственное руководство, занимали видное место в ряду архитектурных задач 1930-х гг. В том числе речь должна идти об автомобильных гаражах, которые рассматривались далеко не как чисто утилитарные постройки, а должны были обладать узнаваемым архитектурным обликом, отвечающим образу

столицы победившего социализма. Грандиозный гараж ЦИК СССР и ВЦИК, задуманный как «дворец для автомобилей», олицетворяет собой архитектурный пафос эпохи строительства Дворца Советов. Показательно, что автором проекта выступил сотрудник мастерской Дворца Советов М.А. Минкус, впоследствии много и плодотворно работавший с В.Г. Гельфрейхом и создавший в том числе одну из «сталинских высоток» – здание МИД СССР на Смоленской площади. Тема именно дворца для автомобилей зазвучала в 1930-е гг. неслучайно. Помимо общеизвестного фактора архитектурной жизни этого времени – обращения к историческому наследию, представленному в значительной степени дворцами либо храмами, – установка на создание особых, люксовых «стойл» для автомобилей, обслуживавших партийный и госаппарат, была обусловлена и специфической причиной. Правительственный автопарк был укомплектован дорогостоящей импортной техникой, специально закупавшейся за рубежом. Подобно тому, как сами функционеры жили в номенклатурных домах повышенного комфорта, их авто должны были храниться и ремонтироваться в привилегированных условиях.

К этой практике советское гаражестроение пришло не сразу. После переезда советского правительства в марте 1918 г. из Петрограда в Москву возникла необходимость разместить в новой столице и автопарк, который обслуживал органы власти. Тогда под гаражи были использованы помещения на территории Кремля, здание московского Манежа и площади бывших экипажных мастерских в Каретном ряду. Уже в конце 1920-х гг. возникла проблема элементарной нехватки машиномест, а возникшее вскоре на повестке дня стремление глубоко реконструировать Москву, придав ей облик современного мегаполиса, произвело что-то вроде революции в проектировании гаражей. К этой работе были привлечены лучшие в СССР специалисты автотранспортной отрасли, некоторые из которых были командированы в США и Европу для изучения опыта строительства и эксплуатации крупных многоуровневых автостоянок. Требование строить гаражи многоэтажными, а также архитектурно оформлять их фасады было закреплено постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции Москвы» 1935 г.

At the 1930s, the infrastructure serving government leadership figured prominently among the architectural purposes. We should talk about car garages, which were considered far from being purely utilitarian buildings, but were supposed to have a recognizable architectural appearance that would correspond to the image of the capital of victorious Socialism. The grandiose garage of the Central Executive Committee of the U.S.S.R. and the All-Russian Central Executive Committee, conceived as a 'palace for cars', embodies the architectural pathos of the era of construction of the Palace of Soviets. It is significant that the author of the project was an employee of the bureau of the Palace of Soviets M.A. Minkus, who later worked extensively and fruitfully together with V.G. Gelfreich, and who also created one of the 'Stalin's skyscrapers' – the building of the U.S.S.R. Ministry of Foreign Affairs on Smolenskaya Square.

The theme of the palace for cars not by chance sounded in the 1930s. In addition to the well-known factor of the architectural life of this time – an appeal to the historical heritage, represented largely by palaces or temples – an intention to create special, luxury 'stables' for cars that served the party and state apparatus was due to a specific reason. The government's vehicle fleet was equipped with expensive imported automobiles specially purchased abroad. Just as the functionaries themselves lived in high-comfort nomenclature houses, their cars were to be stored and repaired under privileged conditions.

The Soviet garage building did not come to this practice at once. After the move of the Soviet government from Petrograd to Moscow in March 1918, it became necessary to locate the vehicle fleet that served the authorities in the new capital. Then, the premises on the territory of the Kremlin, the building of the Moscow Manege and the area of the former carriage workshops in the Karetny Ryad were used as garages. As early as in the end of the 1920s, the problem of an obvious shortage of parking spaces arose, and the desire to deeply reconstruct Moscow, giving it the appearance of a modern metropolis, which was put soon on the agenda, made a kind of a revolution in the design of garages. The best specialists of the road transport industry of the U.S.S.R. were involved in that work, some of them were sent to the U.S.A. and Europe to study the experience of building and operating large multi-level parking lots. The requirement to build multi-storey garages, as well as to design their façades architecturally, was enshrined in the resolution of the Council of People's Commissars of the U.S.S.R. and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On the General Plan for the Reconstruction of Moscow" in 1935.

Одним из известных архитекторов, активно работавшим в период 1920-1940-х годов прошлого столетия в стиле конструктивизма, был Мирон Иванович Мержанов, проработавший главным архитектором ВЦИК СССР с 1932г., чуть более 10 лет. За это время он спроектировал десятки объектов, крупнейший из которых – санаторий РККА в Сочи – был награжден международной премией Гран-при в Париже (1937г.). Среди всех его объектов особенно выделяется изяществом форм «Санаторий-отель Кисловодск» в Кисловодске, обогативший архитектуру старинного курорта здравницей нового типа. «Санаторий-отель», построенный в 1934 году, перешедший в ведение НКВД СССР, привлекает к себе огромное внимание горожан, отдыхающих и фотографов. Благодаря им, мы сегодня имеем важную информацию об этом уникальном объекте, раскрытом в путеводителях М.И. Ганштака по курортам СССР 1935-1936 гг. Начиная с 1950-х годов, санаторий все больше превращается в объект закрытого типа и на втором этапе существования памятника архитектуры, видимо исчерпав возможности по его модернизации (реконструкции), ведомство построило себе новое здание на другой территории, в то время как «Санаторий-отель» продолжил бесхозно простаивать, медленно разрушаясь. Однако, прежде чем, раскрыть историю разрушения санатория «Кисловодск», проанализируем его архитектурные особенности. Не располагая чертежами объекта, нам все-таки удалось выявить основные достоинства этого, как я считаю, архитектурного шедевра курортного конструктивизма. Вначале необходимо сказать об участке, на котором был расположен «Санаторий-отель». Архитектор М.И. Мержанов расположил объект почти в центре курорта, вблизи его знаменитого парка, прижимая комплекс к склонам соседних гор, максимально экономя каждый метр участка. Два эффектно развернутых по выпуклой кривой спальных корпуса, создают образ легких, напоминающих палубы корабля крыльев, раскрытых в сторону курортного парка. Эти два корпуса сходятся по основной оси входа с главным более массивным лечебным корпусом, и не имеют композиционных аналогов. Весной 2021 года наступил финальный этап существования этого уникального объекта – его просто снесли! Остается надеяться на реконструкцию этого прекрасного сооружения: оно вновь возродится и станет визитной карточкой города.

One of the famous architects who actively worked in the period of the 1920-1940s in the style of constructivism was Miron Ivanovich Merzhanov, who has been the Chief Architect of the All-Russian Central Executive Committee of the U.S.S.R. since 1932, for just over ten years. During this time, he designed dozens of objects, for the largest of which, the RKKA sanatorium in Sochi; he was awarded with the international Grand Prix in Paris (1937). Among all his objects, the 'Kislovodsk Sanatorium-Hotel' in Kislovodsk, which has enriched the architecture of the old resort with a new type of health centre, stands out for the elegance of its forms. The 'Sanatorium-Hotel', built in 1934, which was taken over by the NKVD of the U.S.S.R., and still attracts great attention of the townspeople, vacationers, and photographers. Thanks to them, today, we have important information about the unique object, presented in the guidebooks by M.I. Ganshtak on the resorts of the U.S.S.R. in 1935-1936 Since the 1950s, the sanatorium has been increasingly turning into a closed-type facility, and, at the second stage of the existence of that architectural monument, it apparently having exhausted the possibilities for its modernization (reconstruction); so, the department constructed a new building for itself on another territory, and the sanatorium continued to stand idle, slowly collapsing. However, before revealing the history of the destruction of the Kislovodsk sanatorium, let us analyze its architectural features. Not having any drawings of the object, we still managed to identify the main advantages of this, on my opinion, an architectural masterpiece of resort Constructivism. At first, it is necessary to say about the site where the 'Sanatorium-Hotel' was located. Architect M.I. Merzhanov, designing such an unusual object, was guided by purely creative approaches. He located the facility almost in the centre of the resort, near its famous park, pressing the complex to the slopes of the neighboring mountains, saving as much metres of the site as possible. Two living housing, effectively deployed along a convex curve, created an image of light wings, reminding the decks of a ship, open towards the resort park. These two buildings converged along the main axis of the entrance with the more massive main medical building, and had no compositional analogues. In the spring of 2021, the final stage of the existence of that unique object came – it was simply demolished! We can only hope for the reconstruction of this beautiful structure: it will be revived again and will become the hallmark of the city.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ

PARTICIPANTS' INFORMATION

Арутюнян Тигран, архитектор, кандидат архитектуры, независимый исследователь. Окончил Ереванский Государственный Университет Архитектуры и Строительства, факультет архитектуры (2005). Научную деятельность продолжил в Институте искусств Национальной Академии Наук Армении, где защитил кандидатскую диссертацию (2008), посвященную стилистическим особенностям постсоветской архитектуры Армении. В 2019 получил степень магистратуры в сфере сохранения наследия в НИУ ВШЭ «РЕ-Школа» в Москве. Основной сферой научной деятельности является постсоветская архитектура в контексте исторических и актуальных течений современной архитектуры, проблемы архитектуры переходного периода, а также вопросы политики памяти в городском пространстве и новой архитектуры. Автор статей в научных журналах, на специализированных сайтах, а также в российских и зарубежных коллективных монографиях. Автор архитектурного путеводителя "Yerevan Architectural Guide" (DOM Publishers, Берлин, 2017).

Harutyunyan Tigran, architect, candidate of architecture, independent researcher. He graduated the Yerevan State University of Architecture and Construction, Faculty of Architecture in 2005. He pursued his scientific activity in the National Academy of Sciences of Armenia, Institute of Art, where defended his Candidate's thesis devoted to the stylistic features of post-soviet Armenian architecture in 2008. In 2019 he took a Master's degree in Sphere of Heritage in Higher School of Economics in Moscow. His research interests mostly focused on the post-soviet architecture which is viewed in the context of current and past trends of modern architecture, the problems of architecture of the transitional period, as well as memory policy issues of new architecture and urban space. He is the author of *Architectural Guide of Yerevan* DOM Publishers 2017, as well as a number of articles in academic journals, collective volumes and professional websites.

Асли Кан изучала архитектура в Техническом ун-те Йылдыз, степень магистра в области истории и теории архитектуры. Защитила диссертацию в Стамбульском техническом ун-те по программе истории архитектуры. В течение восьми лет руководила Архивом архитектуры и дизайна в SALT. Куратор нескольких выставок в своей области. В настоящее время доцент факультета архитектуры Университета Ёдитепе. Области ее исследований: архитектурные теории, модернизм в Европе, турецкая республиканская архитектура, архитектурные репрезентации с политическими тенденциями. Опубликовала книгу о Поле Бонаце, несколько статей в соответствующей области.

Asli Can studied architecture at Yildiz Technical University and received her MA from the History and Theory of Architecture program. She received her PhD from Istanbul Technical University, History of Architecture program. She ran the Architecture and Design Archive at SALT for 8 years. She was a curator of several exhibitions regarding her field. She currently works as Assistant Professor at Yeditepe University, Department of Architecture. Her research fields are Architectural Theories, Modernism in Europe, Turkish Republican Architecture; Architectural Representations along with Political Tendencies. She has published a book on Paul Bonatz and has several articles in the related field.

Бальян Карен Владиленович, кандидат архитектуры, профессор, член-корр. Международной академии архитектуры (МААМ), архитектор. Автор 8 книг и более 150 научных и критических статей, посвященных истории модернизма, градостроительству Армении XX в., вопросам сохранения архитектурного наследия. Основатель и генеральный директор бюро «Архитектурно-художественная мастерская Карена Бальяна». С 1995 года работает как архитектор-практик, автор многих проектов и построек в Москве, Московской области, в Армении. Лауреат премий за исследовательские и проектные работы. Член Союза архитекторов СССР (с 1981), России и Армении (с 1991). Председатель Российского отделения Союза архитекторов Армении (РОСАА, с 2008). Эл. почта: karenbalyan@hotmail.com; Тел.: +7 (985) 6421262

Balyan Karen Vladilenovich, PhD in Architecture, Professor, Corresponding Member International Academy of Architecture (IAAM), architect. Author of 8 books and more than 150 scientific and critical articles on the history of modernism, urban planning in Armenia in the twentieth century, issues of preserving the architectural heritage. Founder and general

director of «Architectural and Artistic Workshop of Karen Balyan» architecture office. Since 1995 he has been engaged in architectural practice, the author of many projects and buildings in Moscow, the Moscow region, in Armenia. Laureate of awards for research and design work. Member of the Union of Architects of the USSR (1981), Russia and Armenia (1991). Chairman of the Russian branch of the Union of Architects of Armenia (ROSAA, 2008).

Tel. : +7 (985) 6421262; e-mail: karenbalyan@hotmail.com; Moscow, I 15172, Second Goncharny per., 3-28

Бархин Андрей Дмитриевич, архитектор, историк архитектуры. Окончил МАРХИ (2005), учился в аспирантуре НИИТАГ РААСН, тема исследования — «Стилевые приемы советской архитектуры 1930-х годов: контекст, истоки и эволюция». В период 2004-2014 — архитектор Мастерской Дмитрия Бархина, соавтор ряда неоклассических зданий в Москве. С 2017 года — архитектор в «Архитектурной Мастерской Максима Атаянца». Автор статей и лекционных курсов по архитектуре — «Мастера архитектуры итальянского Возрождения» (2010), «Пять элементов классической архитектуры» (2012), а также «Архитектура эпохи ар-деко, мастера и течения» (2016).

Barkhin Andrei, architect, architectural historian. Graduated from Moscow Architectural Institute (2005), a post-graduate student at the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, the topic of the research is 'Stylistic Techniques of Soviet Architecture in the 1930s: Context, Origins, and Evolution'. In the period of 2004-2014 - architect of the Dmitry Barkhin Workshop, co-author of a number of neoclassical buildings in Moscow. Since 2017 - an architect at the «Architectural Workshop of Maxim Atayants». Author of articles and lecture courses on architecture – 'Masters of Architecture of the Italian Renaissance' (2010), 'Five Elements of Classical Architecture' (2012), and 'Architecture of the Art Deco Era, Masters and Trends' (2016).

Басс Вадим Григорьевич, канд. иск., доцент факультета истории искусств Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор статей в журналах «Новое Литературное Обозрение», «Неприкосновенный запас», «Эрмитаж/Hermitage Magazine», «Теория моды», «ШАГИ/STEPS», «Социология власти», «Автопортрет» (Krakow), «Проект Балтия», «Адреса Петербурга» и др., научно-популярных публикаций на порталах «Постнаука», «Арзамас» и монографии «Петербургская неоклассическая архитектура 1900–1910-х годов в зеркале конкурсов: слово и форма» (СПб., 2010). Текущие исследовательские проекты связаны с историей мемориальной архитектуры и вопросами архитектурной коммеморации блокады Ленинграда, с историей архитектурных выставок.

Bass Vadim, PhD in art history, architectural historian, Associate professor of the European University at St. Petersburg (Department of Art History). Author of the book *St Petersburg Neoclassical Architecture of the 1900s to 1910s as Reflected in the Mirror of Architectural Competitions: Word and Form* (St Petersburg, 2010, in Russian), conference papers, historical and critical articles in magazines incl. *NLO/New Literary Observer*, *NZ*, *Project Baltia*, *Addresses of St Petersburg*, *Hermitage Magazine*, *Fashion Theory*, *Sociology of Power*, *STEPS*, etc., lectures and articles for educational projects «Arzamas», «Postнаука», etc. The current research project focuses on memorial architecture and architectural commemoration of the Siege of Leningrad, as well as the history of architectural exhibitions.

Боков Андрей Владимирович, архитектор, главный научный сотрудник, заведующий отделом современных проблем средоформирования и градорегулирования, доктор архитектуры НИИТИАГ, академик РААСН, почетный президент Союза архитекторов России, президент Национальной палаты архитекторов, действительный член МААМ, почетный строитель Москвы, народный архитектор РФ, член Союза художников России, член Европейского общества культуры, лауреат Государственной премии РФ. Автор 2 книг и более 50 статей в отечественных и зарубежных изданиях. Вел теоретические исследования по проблемам проектирования городской среды и развития социальной инфраструктуры города. Идеолог «средового подхода в архитектуре». Преподавал в Сенежской студии СХ СССР МАРХИ, МИИЗа, МГАХИ им. В.И. Сурикова. Постоянный участник всероссийских и международных творческих конкурсов, свыше 40 раз отмечен наградами.

Bokov Andrei Vladimirovich, Chief Researcher, Head of the Department of Contemporary Problems of Environment Formation and Urban Regulation, PhD in Architecture – Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, Academician of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Honorary President of the

Union of Architects of Russia, President of the National Chamber of Architects, full member of IAAM, Honorary Builder of Moscow, People's Architect of the Russian Federation, member of the Union of Artists of Russia, member of the European Society culture, laureate of the State Prize of the Russian Federation. Author of two books and more than 50 articles in domestic and foreign publications. He made a number of theoretical research on the design of the urban environment and the development of the social infrastructure of the city. He is the ideologist of the «environmental approach in architecture». He was lecturer at the Senezh studio of the U.S.S.R. Union of Artists, Moscow Architectural Institute, Moscow State University of Land Use Planning, Surikov Moscow Higher Artistic School. He is a regular participant of all-Russian and international creative competitions, has been awarded more than 40 times.

Броновицкая Анна Юлиановна, кандидат искусствоведения, специалист по советской архитектуре 1960 - 1980-х годов. С 2015 года - Директор по исследованиям Института модернизма (Москва). В 2015 - 2019 преподавала в Московской архитектурной школе (МАРШ). В 1992 - 2015 преподавала в Московском архитектурном институте (МАРХИ). В 2004 – 2014 работала редактором архитектурных журналов «Проект Россия» и «Проект International». В 2012 – 2014 была секретарем Российской секции Do.Co.Мо.Мо. Избранные публикации: *Алма-Ата: Архитектура советского модернизма 1955 – 1991* (Москва: Garage, 2018) и *Москва: Архитектура советского модернизма 1955 – 1991* (Москва, Garage, 2016, обе – совместно с Николаем Малинным и Юрием Пальминым,); *Leonid Pavlov* (с Лией Павловой и Ольгой Казаковой, Милан, Electa, 2015), *Московское архитектурное наследие: Точка невозврата* (с Клементиной Сесил и Эдмундом Харрисом, Москва, 2009).

Bronovitskaya Anna Yulianovna, Ph.D., specializes on Soviet Architecture of the 1960s – 1980s. Head of Research at the Institute of Modernism, Moscow; professor of the Moscow Architectural Institute. In 2004 – 2014 she worked as editor at Project Russia and Project International architectural magazines. In 2012 – 2014 she headed the Russian chapter of Do.Co. Мо.Мо. Selected publications: *Alma-Ata: Architecture of Soviet Modernism 1955 – 1991* (with Nikolay Malinin and Yury Palmin, Moscow: Garage, 2018, in Russian), *Moscow: Architecture of Soviet Modernism 1955 – 1991* (with Nikolay Malinin and Yury Palmin, Moscow, 2016, in Russian; English edition 2019), *Leonid Pavlov* (with Liya Pavlova, Olga Kazakova Milan, Electa, 2015 in Russian and English), *Moscow Heritage at Crisis Point. Second Edition* (with Clementina Cecil and Edmund Harris, 2009 in Russian and English).

Вайтенс Андрей Георгиевич, доктор архитектуры, профессор кафедры Градостроительства Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ). Член Союза архитекторов, советник РААСН. Области научных интересов история отечественного градостроительства XIX – XX вв., история градостроительства Санкт-Петербурга - Ленинграда, эволюция отечественного градостроительного права. Автор монографий: «Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI веков» (совм. с Ю.Л.Косенковой) (2006 г.), «Регулирование градостроительного развития Санкт-Петербурга – Ленинграда 1870-е – 1991 гг» (2010 г.), «Архитекторы-градостроители Петербурга – Ленинграда XX творческие пути и судьбы» (2021 г.), учебного пособия «Магистратура в градостроительстве» (2019 г.). Руководитель одной защищенной докторской и двух защищенных кандидатских диссертаций. В настоящее время руководит бакалаврами, магистрами и аспирантами кафедры. Тел.: +7(921)1889070; avaytens@gmail.com

Vaytens Andrey Georgievich, Doctor of Architecture, Professor of the Department of Urban planning of the St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. Member of the Union of Architects, adviser to the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences. Research interests: the history of Russian urban planning of the XIX-XX centuries, the history of urban planning of St. Petersburg-Leningrad, the evolution of domestic urban planning laws. Author of monographs: «*The development of the legal framework of urban development in Russia of the XVIII – beginning of XXI centuries*» (together. with Yul. Kosenkova) (2006), «*the Regulation of urban development of St. Petersburg-Leningrad 1870-1991*» (2010), «*Architects, urban planners Petersburg – Leningrad XX: the creative paths and destinies*» (2021), tutorials «*Master's degree in Urban planning*» (2019). The head of one doctoral and two master's theses which were protected. Currently, he directs bachelors, masters and postgraduate students of the department. Tel.: +7(921)1889070; E-mail: avaytens@gmail.com

Васильев Николай Юрьевич проф. МГАХИ им. Сурикова, доц. НИУ МГСУ
Эл. почта: n.vassiliev@docomomo.ru

Vasiliev Nikolay Yurjevich, Professor of the Moscow State Academic Artistic Institute named after Surikov, Ass. Professor at the National Research University – Moscow State Construction University.
E-mail: n.vassiliev@docomomo.ru

Вронская Алла Генриховна — профессор истории и теории архитектуры университета города Кассель (Германия). Уроженка России, Вронская получила докторскую степень в Массачусетском Технологическом Институте (MIT) в 2014 году. Ее работа была поддержана стипендиями Института перспективных исследований (Принстон, США), Исследовательского центра Гетти (Лос Анджелес, США) и Научной библиотеки Дамбартон Оакс (Вашингтон, США), а также Президентской стипендией MIT и другими наградами. В прошлом Вронская была ассистент-профессором Иллинойского Технологического Института (Чикаго) и доцентом Швейцарского Технологического Института (Цюрих). Ее книга *Architecture of Life: Soviet Interwar Modernism and the Human Sciences* (выйдет в свет в 2022 году), посвящена взаимоотношениям архитектуры, теории труда, и биологических наук о человеке в межвоенной России.

Vronskaya Alla is the Professor of the History and Theory of Architecture at Kassel University. A native of Russia, Vronskaya received her Ph.D. from Massachusetts Institute of Technology (MIT) in 2014. Her research has been supported by residential fellowships from the Institute for Advanced Study, Princeton, USA, the Getty Research Institute and the Dumbarton Oaks Research Library. In addition, she was a recipient of MIT Presidential Fellowship and the Swiss Government Excellence Scholarship, among other awards. Prior to joining Kassel University, she was an assistant professor at Illinois Institute of Technology and a visiting lecturer at Swiss Federal Institute of Technology (ETH), Zurich. Her forthcoming book *Architecture of Life: Soviet Interwar Modernism and the Human Sciences* explores the intersections between architecture, labor management, and human sciences in interwar Russia.

Вяземцева Анна Геннадиевна, кандидат искусствоведения, Ph.D. истории архитектуры, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ. Автор монографии «Искусство тоталитарной Италии» (М., 2018) и более 50 публикаций и лекций по истории современного искусства и архитектуры, искусству и архитектуре Италии 1920-1930-х гг., проблемам искусств в период диктатуры. Научные интересы: искусство, архитектура и градостроительство XIX-XX вв., искусство и архитектура Италии XX в., культурные связи СССР и стран Запада, русские и советские художники и архитекторы в Италии, охрана и реставрация архитектурного наследия 1920-1940-х гг. Участник международных научных конференций (Италия, Великобритания, Германия). Исследования были отмечены дипломом международного фестиваля «Зодчество» и поддержаны грантами РФНФ, Университета Инсубрии (Италия) и совместным грантом РФФИ и Национального центра научных исследований (CNRS) Франции.
Эл. почта: anna.vyazemtseva@gmail.com; Тел: +79153815783

Vyazemtseva Anna Gennadijevna, Candidate in the History of Arts, Ph.D. in the Architecture and Construction (History of Architecture), is the senior researcher of the Institute of History and Theory of Architecture and Urban planning. Author of the book 'Art of Totalitarian Italy' (in Russian, Moscow, 2018) and more than 50 publications and lectures on history of modern art and architecture, Italian art and architecture between two wars, problems of arts under dictatorship. Her research was supported by grants from the Russian Scientific Foundation for Humanities, the University of Insubria (Italy) and a joint grant from the Russian Foundation for Basic Research and the National Center for Scientific Research of France. Research interests: art, architecture and urban planning of late XIX – XX c., modern and contemporary Italian art and architecture, cultural relations between the U.S.S.R. and the West, Russian artists and architects in Italy.

Галликкио Алессандро, Ph.D., доцент Сорбоннского университета. Защитил диссертацию по истории современного искусства в Университете Сорбонны, Университете Флоренции и Университете Бонна, затем работал в пост-докторантуре в Национальном институте истории искусства и Центре им. Жоржа Помпиду в Париже на проекте о об искусстве в городском пространстве в Албании. В настоящий момент развивает проект MopiMed, нацеленный на изучение посредством междисциплинарного подхода взаимосвязи между искусством, архитектурой и городским пространством на Балканах и Средиземноморье. В 2020 г. стал стипендиатом программы им. Андре Шастеля во

Французской академии в Риме, в 2021 был исследователем в резиденции Французской школы в Париже. Выступает как куратор выставок во Франции и за рубежом, организовал проект Rue d'Alger на международной выставке Manifesta 13.

Gallicchio Alessandro is Associate professor at Sorbonne University. After he completed his PhD in history of contemporary art at Sorbonne University, Università degli studi di Firenze and Universität Bonn, he was post-doctoral fellow at the Institut National d'Histoire de l'Art and Centre Pompidou (Labex CAP) and worked on the relations between art and urban space in contemporary Albania. Through interdisciplinary approach, engaging a dialogue between art history, cultural geography, architectural history, and anthropology, he launched MonuMed, an Art and Social Sciences project focused on the new practices of artistic and architectural monumentalization in the Balkans and Mediterranean areas. In 2020 he was André Chastel fellow of the Villa Medici in Rome, and in 2021 he was researcher in residence at École Française d'Athènes. As an independent curator, he collaborates with international art centers and museums and he organised Rue d'Alger exhibition in Manifesta 13 Marseille Les Parallèles du Sud Biennial.
E-mail: alessandro.gallicchio@sorbonne-université.fr

Гесслер Стефан, историк архитектуры и градостроительства, аспирант факультета истории искусства Университета Сорбонны (Париж), сотрудник лаборатории истории искусства Центра им. Андре Шастеля (Сорбонна, Национальный центр научных исследований и Министерство культуры Франции), научный сотрудник Национального института истории искусства в Париже. Выпускник факультета славистики Сорбонны по русскому языку. Сфера научных интересов - развитие архитектуры и градостроительных моделей в СССР, обмен и международное распространение идей в области архитектуры и градостроительства в послевоенном периоде.

Gaessler Stéphane is a historian of architecture and urbanism. He is currently working on his doctoral thesis at Sorbonne University, within the André Chastel Center (Sorbonne University, CNRS, Ministry of Culture). He works as a research fellow at the National Institute of Art History (INHA). Graduate from the Slavic Studies Faculty of the Sorbonne, his research is devoted to the History of the development of new architectural and urbanistic models in the USSR and their international circulation in the post-war period.

Гриeko Лоренцо, аспирант кафедры истории архитектуры в Римском университете Тор Вергата (Италия) и Университете Кента (Великобритания). Научные интересы: архитектура эпохи Возрождения, современная архитектура, история строительной техники и технологий. В настоящее время работает над диссертацией, посвященной церковной архитектуре XX века, с особым акцентом на послевоенную архитектуру Великобритании.

Grieco Lorenzo is Phd candidate in history of architecture at the University of Rome Tor Vergata, Italy, and the University of Kent, United Kingdom. He has studied Renaissance and contemporary architecture, above all in relation to its technological aspects. His current research deals with twentieth-century church buildings, with a particular focus on the post-war ecclesiastical architecture of Britain.

Гурари Марк Натанович, академик ААН (Академии архитектурного наследия), архитектор. Работал в московских проектных институтах, с 1971 в Дальневосточном научном центре Академии наук СССР по строительству природоохранных объектов Приморского края, с 1975 г. в московских проектных институтах, с 1989 – главный архитектор Главного управления капитального строительства Минприроды СССР, с 1992 зам. главного редактора газеты «Архитектура», с 2000 – занимается частным проектированием. Член Союза архитекторов с 1973 член экспертно-консультативного совета при главном архитекторе Москвы с 1989, зам. председателя Совета Союза московских архитекторов по градостроительному развитию и сохранению исторической среды с 2011 по настоящее время, академик Академии архитектурного наследия (2016). Автор публикаций по архитектурно-градостроительным вопросам с 1982 в журналах «Архитектура СССР», «Архитектура и строительство России», «Архитектурный вестник», и др. сб. «Кадашевские чтения» №№ 14-22, «Градостроительные проблемы охраны наследия» НИИТИАГ 2012, «Современная архитектура мира» №6 НИИТИАГ и др. Участник научных конференций ИНИОН РАН, НИИТИАГ, ИФРАН, МАРХИ и др.
Эл. почта: losin3@yandex.ru; Тел: +79037660878

Gurari Mark Natanovich, Academician of the Academy of Architectural Heritage, architect. He worked in Moscow design institutes, from 1971 in the Far East Scientific Center of the Academy of Sciences of the U.S.S.R. on the construction of environmental facilities in the Primorsky Region, from 1975 in Moscow design institutes, from 1989 - Chief Architect of the GlavUKS of the U.S.S.R. Ministry of Natural Resources, since 1992 – Deputy Editor-in-Chief of the newspaper 'Architecture', since 2000 - private design. Member of the Union of Architects since 1973. member of the expert advisory board at the office of the Moscow Chief Architect since 1989, Deputy Chairman of the Council of the Union of Moscow Architects for urban development and preservation of the historical environment since 2011. Author of publications on architectural and urban planning issues since 1982 in the magazines 'Architecture of the U.S.S.R.', 'Architecture and Construction of Russia', 'Architectural Bulletin', and others. He took part in research conferences of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow Architectural Institute, etc.
E-mail: losin3@yandex.ru; Tel: +79037660878

Д'Амелио Мария Грация, профессор истории архитектуры на кафедре Промышленного проектирования, Университет Тор Вергата, Рим, Италия. Ее исследования посвящены архитектуре от XVI-XVII вв. до первой половины XX в. Специализируется на архитектуре барокко и раннего XX в., автор книги про обелиск на форуме Муссолини в Риме (2009), редактор книги *Per non dimenticare: Sacrari del Novecento* (2019) об архитектуре мемориалов Первой мировой войны в Европе. Недавно опубликовала монографию *Giovan Lorenzo Bernini e l'oro per il baldacchino di San Pietro (1624-1633)* (2021).

D'Amelio Maria Grazia is a Professor in History of Architecture at the Department of Enterprise Engineering, University of Rome Tor Vergata. Her studies span from the architecture of the 16th and 17th centuries to that of the first half of 20th century. Specialised in Baroque and early 20th-century architecture, she is the author of a book on the Obelisk of the Foro Mussolini in Rome (2009), and editor of the book *Per non dimenticare: Sacrari del Novecento* (2019), on the architecture of World War I memorials in Europe. She has recently published a monograph *Giovan Lorenzo Bernini e l'oro per il baldacchino di San Pietro (1624-1633)* (2021).

Де Маджистрис Алессандро, штатный профессор истории архитектуры и истории градостроительства в Политехническом университете Милана (кафедра Архитектуры и градостроительства, DASTU). Член докторского совета Докторской школы архитектуры и истории при Политехническом университете Турина. Читал лекции во многих университетах и научно-исследовательских институтах мира. Круг его исследований включает архитектуру и дизайнерскую культуру нашего времени: в частности, русский и восточноевропейский авангард и историю советской архитектуры и градостроительства сталинской и пост-сталинской поры. Опубликовал много научных работ, эссе и статей по истории архитектуры и градостроительства в Италии и за рубежом (журналы "Casabella", "Area", "Abitare", "Urbanistica", "JSAH", "Bauwelt", "Cahiers du Monde russe et soviétique", "Projekt international", etc.). Среди его книг: *La costruzione della città totalitaria* (1995), *Paesaggi dell'utopia staliniana* (Landscapes of the Stalinist utopia: 1997), *La Casa cilindrica di Konstantin Mel'nikov* (1998), *High-rise. Percorsi nella storia dell'architettura e dell'urbanistica del XIX e XX secolo attraverso la dimensione verticale* (2004). Является одним из авторов тома *Basilico. Vertiginous Moscow* (2008). Был научным редактором многих книг, в том числе: *Jakov Chernikhov* (совместно с Карло Ольмо; итальянское, французское, немецкое и русское издания, 1995; 2000), *Ivan Leonidov. 1902-1959* (совместно с Ириной Коробиной, 2009), *Utopiae finis. Percorsi tra utopismi e progetto* (2018).

De Magistris Alessandro is a Full professor of History of Architecture and History of Urbanism at the Politecnico di Milano (Department of Architecture and Urban studies - DASTU). He is the member of Doctoral School Committee at the Doctoral School of Architecture and History at the Politecnico di Torino. He has lectured in various international universities and scientific institutions. His research work is focuses on architecture and design culture in contemporary age: in particular Russian and Eastern European avant-gardes and the history of Soviet architecture and planning of the Stalinist and post-Stalin era. He has authored various publications, essays and articles on the history of architecture and town planning, published in Italy and abroad (*Casabella*, *Area*, *Abitare*, *Urbanistica*, *JSAH*, *Bauwelt*, *Cahiers du Monde russe et soviétique*, *Projekt International*, etc.). Among his books: *La costruzione della città totalitaria* (1995), *Paesaggi dell'utopia staliniana* (Landscapes of the Stalinist utopia: 1997), *La Casa cilindrica di Konstantin Mel'nikov* (1998), *High-rise. Percorsi nella storia dell'architettura e dell'urbanistica del XIX e XX secolo attraverso la dimensione verticale* (2004). He is co-author of the volume *Basilico. Vertiginous Moscow* (2008).

He has edited various books, among them: *Jakov Chernikhov* (with Carlo Olmo; Italian, French, German and Russian editions, 1995; 2000), *Ivan Leonidov. 1902-1959* (with Irina Korobina, 2009), *Utopiae finis. Percorsi tra utopismi e progetto* (2018).

Джунта Марко, архитектор. Окончил архитектурный факультет с дипломной работой о Доме Фехтования Луиджи Моретти на Форо Муссолини (исследование легло в основу начального этапа восстановления зала и площади, произведенного по заказу CONI – Национального олимпийского комитета Италии в 2013 году). Защитил диссертацию на степень Ph. D. По архитектуре в Римском университете Ла Сапиенца, с диссертацией о парижском аттике, спроектированном Ле Корбюзье для Шарля Де Бистеги. Сфера научных интересов – итальянская архитектура в период между двумя мировыми войнами, главным образом – творчество Луиджи Моретти.

Giunta Marco graduated in architecture with a thesis on Luigi Moretti's House of Arms at the Foro Mussolini (served as a reference for the initial phase of the recovery of the room and the square promoted by CONI – Italian National Olympic Committee – in 2013) and get a PhD in Representation Sciences of architecture at Sapienza University of Rome, with a thesis on the Parisian attic designed by Le Corbusier for Charles De Beistegui. He is interested in Italian architecture between the two wars with particular attention to the figure of Moretti.

Дубровский Юрий Владимирович, главный библиотекарь отдела научной литературы Научной библиотеки Московского архитектурного института (государственная академия). Основные публикации посвящены роли вокзальных и станционных комплексов в городе, а также архитектуре станций метро. Научные интересы: проблемы архитектуры и морфологии вокзалов и транспортных сооружений, архитектура метрополитенов городов СССР, освещение в архитектуре станций метрополитенов.

Эл. почта: mr.darh@gmail.com; Тел. +79067263230

Dubrovsky Yuriy, librarian of the Moscow Architectural Institute, Research Library. The main articles are dedicated to the role of railway stations and station complexes in the city, also publications are devoted to the metro stations architecture. Scientific and research interests are related to problems of architecture and morphology of transport stations, the soviet subway architecture, with paying special attention to light in the metro stations architecture.

mr.darh@gmail.com , +79067263230

Киани Мостафа, Ph.D. по архитектуре, профессор факультет Искусств Университета Тегерана, Ир

Kiani Mostafa, Ph.D. in Architecture, Faculty of Arts, Tehran University. Email: mkianie@hotmail.com

Коновалова Нина Анатольевна, кандидат искусствоведения, советник РААСН, заместитель директора по научной работе НИИТИАГ, член Союза московских архитекторов. Организатор ежегодной международной научной конференции «Современная архитектура мира: основные процессы и направления развития». Автор более 100 публикаций по архитектуре Японии Новейшего времени и нескольких монографий, среди которых «Современная архитектура Японии: традиции восприятия пространства» (2017). Основные области научных интересов: современная архитектура мира, архитектура Японии, приемы сохранения традиций в современной архитектуре, архитектурные и градостроительные эксперименты на Всемирных выставках, русский авангард и его влияние на мировую архитектуру. Эл. почта: phuekirjuko@mail.ru

Konovalova Nina Anatolievna, PhD in Art Studies, the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences councilor; deputy director for scientific work of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, Member of the Union of Moscow architects. Organizer of the annual scientific conference «Contemporary world architecture: main processes and directions of development». Author of more than 100 publications on architecture of Contemporary Japan and several monographs, among which is *Contemporary architecture of Japan: traditions of space perception* (2017). Main areas of scientific interest: contemporary world architecture, Japanese architecture, practices of preservation

of traditions in contemporary architecture, architectural and town-planning experiments on World Expos, Russian avant-garde and its influence on world architecture.

Колоннезе Фабио, архитектор, Ph.D. в области проектирования и исследования архитектурного наследия в Римском университете Ла Сапиенца, Италия. Его диссертация была опубликована в монографии *Il Labirinto e l'Architetto* (2006). Он участвовал в исследовательско-проектировочных и реставрационных работах в Италии и Турции. В последние годы его статьи в основном были посвящены иллюзорным перспективным приемам в архитектуре барокко, цифровой реконструкции архитектуры, известной только по литературным описаниям и трехмерному моделированию. Эл. почта: fabio.colonnese@uniroma1.it

Colonnese Fabio is an architect and PhD in Architectural Heritage Design and Survey at Sapienza University of Rome, Italy. His doctoral thesis on the labyrinth and its multiple relationships with art, architecture and the city was published in *Il Labirinto e l'Architetto* (2006). He has participated in important campaigns in Italy and Turkey. In recent years, his articles have mainly focused on perspective illusion devices in Baroque architecture, digital reconstruction of literary architecture and three-dimensional modeling. E-mail: fabio.colonnese@uniroma1.it

Конфорти Клаудия, профессор истории архитектуры на кафедре Промышленного проектирования Университета Тор Вергата, Рим, Италия. Член Национальной Академии Св. Луки, Академии изобразительных искусств Перуджи и ряда исследовательских комитетов при международных профессиональных журналах, таких как *Abaton, ArtsItalies, Casabella, Città e Storia, Rassegna di Architettura e Urbanistica, Studi e Ricerche di Storia dell'Architettura*. Ее исследования посвящены архитектуре Раннего Нового времени, она писала о Джорджо Вазари, Уффици, ренессансных дворцах Рима, Модене как столице семьи Эсте, городе позднего Ренессанса, деревянных потолках Рима и Флоренции. Ее интересует современная архитектура в контексте градостроительства, отношений города и общества, в частности, она исследовала итальянскую архитектуру периода после Второй мировой войны, творчество Карло Аймонино, Джованни Микелуччи и построение железнодорожного вокзала Флоренции, работы Витторио де Фео, Ренцо Пьяно, Алессандро Ансельми. Рихарда Майера и Фоссе Адреатине.

Conforti Claudia is a professor in the history of architecture at the Department of Enterprise Engineering, University of Rome Tor Vergata. She is a member of the National Academy of San Luca, Perugia Academy of Fine Arts, and part of several scientific committees for international magazines, such as *Abaton, ArtsItalies, Casabella, Città e Storia, Rassegna di Architettura e Urbanistica, Studi e Ricerche di Storia dell'Architettura*. Her studies focus on early modern architecture, with writings on Giorgio Vasari, the Uffizi, the palaces of Rome in the Renaissance, Modena as the capital of the Este family, the city in the late Renaissance, and wooden ceilings in Rome and Florence. Contemporary architecture, in relation to construction, the city, and society, is also the subject of her critical reflection: see the writings on Italian architecture after World War II, Carlo Aymonino, Giovanni Michelucci and the Florence railway station, Vittorio de Feo, Renzo Piano, Alessandro Anselmi, Richard Meier, and the Fosse Ardeatine.

Конышева Евгения Владимировна, кандидат искусствоведения (2003), доцент (2007), Советник Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), старший научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы истории и теории культуры» ЮУрГУ, Челябинск, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ, Москва. Член Российской ассоциации искусствоведов (АИС). Основная область научных интересов – история советской архитектуры и градостроительства, деятельность зарубежных архитекторов в СССР, международные связи советской архитектуры. Результаты исследований отражены более чем в 60 публикациях, среди которых несколько монографий. Последняя крупная работа – книга «Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы» (2018). Научные публикации отмечены профессиональными наградами – дипломами Международного фестиваля «Зодчество» и РААСН. Постоянный участник всероссийских и международных научных конференций, в том числе зарубежных (Германия, США, Польша, Нидерланды). Исследования были неоднократно поддержаны грантами Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), стипендиями Американского совета научных сообществ (ACLS), Германского исторического института в Москве (DHI).

Konysheva Evgenia, PhD in Art History (2003), Associate Professor (2007), Advisor to the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Senior Researcher at the REC 'Actual Problems of History and Theory of Culture' South Uralian State University, Chelyabinsk, Leading Researcher at the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, Moscow. Member of the Russian Association of Art Critics (AIS). The main area of her research interests is the history of Soviet architecture and urban planning, the activities of foreign architects in the U.S.S.R., international exchange of Soviet architecture. The research results are presented in more than 60 publications, including several monographs. The last major work is the book *European Architects in Soviet Urban planning of the Era of the First Five-Year Plans. Documents and materials* (2018). Her publications were marked with professional awards – diplomas of the International Festival 'Zodchestvo' and Russian Academy of Architecture and Construction Sciences. She is a regular participant of all-Russian and international research conferences, including foreign ones (Germany, U.S.A., Poland, the Netherlands). The research was repeatedly supported by grants of the Russian Foundation for the Humanities (RHNF), the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), scholarships from the American Council of Scientific Communities (ACLS), the German Historical Institute in Moscow (DHI), Moscow Architectural Institute, etc.

Косенкова Юлия Леонидовна, Доктор архитектуры, старший научный сотрудник /доцент/, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, Почетный архитектор России, член Союза архитекторов. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), главный научный сотрудник. Область научных интересов – история архитектуры и градостроительства XX века. Выполнен ряд исследований, посвященных истории градостроительства в СССР 1920-1930-х годов, 1940-1950-х гг., а также 1960-1980-х годов. Комплексные исследования по этой тематике представляются крайне значимыми для общего осмысления развития отечественной архитектуры и градостроительства в XX веке, построения новой, современной исторической концепции этого явления. Автор свыше 150 научных работ, в том числе трех авторских монографий, составитель, ответственный редактор и автор двух научных сборников, а также коллективной монографии "Советское градостроительство 1917-1941" в 2-х книгах (Москва, Прогресс-Традиция, 2018). С 2004 по 2014 гг. – заместитель директора НИИТИАГ по научной работе. В течение многих лет эксперт научных фондов: РФНФ, затем РФФИ, РНФ. Обладатель дипломов РАХ, РААСН, Международного фестиваля «Зодчество».

Kosenkova Yulia Leonidovna, Doctor of Architecture, Senior Researcher/ Ass. Prof./, Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Honorary Architect of Russia, Member of the Union of Architects. Chief Researcher of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning. The sphere of her research interests includes the history of architecture and urban planning of the twentieth century. A number of studies have been carried out on the history of urban planning in the U.S.S.R. in the 1920s-1930s, 1940s-1950s, as well as in the 1960s-1980s. Her studies on this topic are extremely important for a general understanding of the development of Soviet architecture and urban planning, building a new, modern historical concept of this phenomenon. She is the author of over 150 research works, including three monographs; she was also the editor and author of two collections of articles and a collective monograph *Soviet Urban Planning 1917-1941* in 2 volumes (Moscow, 2018). From 2004 to 2014, she was Deputy Director on Research Work at the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning. For many years, she has been being an expert of various foundations: the Russian Humanitarian Science Foundation, then the Russian Foundation for Basic Research, the Russian Science Foundation. She was awarded with diplomas of the Russian Academy of Arts, Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, International Festival 'Zodchestvo'.

Костюк Мария Александровна В 2000 г. окончила с отличием в Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова (отделение истории искусства исторического факультета). В 2004 году защитила диссертационную работу на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по теме: «Стилевая проблематика творчества архитектора Б.М. Иофана» в Московском Государственном Университете им. М.В. Ломоносова. С января 2000 г. по настоящее время работает в ФГБУК "Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева", с 2012 г. в должности заместителя директора по учетно-хранительской работе - главного хранителя. Специализируется на истории и теории архитектуры XX – XXI веков. Куратор выставок: "Архитектор власти Б.М. Иофан" (2011), "Русское деревянное. Взгляд из XXI века" (2015-2016), "Московское метро. Подземный памятник архитектуры" (2016), "АвангардСтрой. Архитектурный ритм революции" (2017-2018). Входила в состав творческой группы по разработке Концепции сохранения памятников советского архитектурного авангарда 1918-1940 гг. на территории РФ. Автор статей и монографии Костюк М. Борис Иофан. До и после Дворца Советов (Берлин.: DOM publishers, 2019).

Maria Alexandrovna Kostyuk is chief curator at the Schusev Museum of Architecture, Moscow. In 2000 she graduated from the Lomonosov Moscow State University (Department of Art History, Faculty of History). In 2004 she defended her PhD thesis on the topic: "The stylistic problems of the work of the architect B.M. Iofan" at the Lomonosov Moscow State University. From January 2000 to the present, she has been working at Schusev State Museum of Architecture, since 2012 as Chief Curator. She specializes in the history and theory of architecture of modern and contemporary architecture and curated the exhibitions: "B.M. Iofan. Architect of Power:" (2011), "Russian Wooden. View from the XXI Century" (2015-2016), "Moscow Metro. Underground Architectural Monument" (2016), "AvangardStroy. Architectural the rhythm of the revolution" (2017-2018). She was a member of the creative group for the development of the Concept for the preservation of monuments of the Soviet architectural avant-garde (1918-1940) on the territory of the Russian Federation. She is the author of articles on Russian and Soviet architecture and of the monograph Boris Iofan. Architect behind the Palace of Soviets (Berlin: DOM publishers, 2019).

Левашко Светлана Сергеевна, архитектор, кандидат архитектуры, доцент, ведущий научный сотрудник НИИТИ-АГ, доцент СПбГАСУ, советник РААСН, почетный архитектор России, член Союза архитекторов России, член Совета СПб отделения НК ИКОМОС Россия, эксперт РААСН, РАН. Автор пяти монографий и более 500 научных статей. Автор-составитель сборника «Архитектурное наследие Русского зарубежья», куратор документально-художественной выставки «Русский зодчий А. И. Середин-Сабатин в Корее». Организатор и участник ряда международных проектов. Член научного Совета Санкт-Петербургского информационно-культурного центра «Русская эмиграция», научного Совета интернет-энциклопедии «Изобразительное искусство и архитектура Русского зарубежья», редакционных коллегий периодических изданий по архитектуре и искусству России и Европы. Сфера научных интересов: история архитектуры Русского зарубежья, конец XIX – XX вв.: социокультурный контекст, стилистическая структура, особенности и взаимовлияния; биографии архитекторов Русского зарубежья; история архитектуры и градостроительства в Балтийском регионе конца XIX – XX вв.; проблемы охраны историко-культурного наследия в России и за рубежом; методология и методика градоохранного проектирования в исторической среде.
Эл. почта: S_levoshko@mail.ru; Тел.: +7 911 295 61 78

Levoshko Svetlana Sergeevna, architect, PhD in architecture, associate professor, leading researcher at Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban planning, associate professor of St. Petersburg State University of Architecture and Construction, adviser to Russian Academy of Architecture and Building Sciences, honorary architect of Russia, member of the Union of Architects of Russia, member of the Council of St. Petersburg branch of ICOMOS Russia, expert of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, the Russian Academy of Sciences. The author of five monographs and more than 500 scientific articles. Author-compiler of the collection «Architectural Heritage of Russian Abroad», curator of the documentary and art exhibition «Russian architect A. I. Seredin-Sabatin in Korea.» Organizer and participant in international projects. Member of the Scientific Council of the St. Petersburg Information and Cultural Center «Russian Emigration», of the scientific council of the Internet encyclopedia «Fine Arts and Architecture of the Russian Abroad», of the editorial boards of periodicals on architecture and art of Russia and Europe. Sphere of scientific interests: history of architecture of the Russian abroad, late XIX - 20th centuries: socio-cultural context, stylistic structure, features and mutual influences; biographies of architects of Russian abroad; the history of architecture and urban planning in the Baltic region of the late XIX - 20th centuries; problems of protection of historical and cultural heritage in Russia and abroad; methodology and methodology of environmental design in historical environment.

Маилов Сергей Арменакович, НИИТИАГ, Москва

Mailov Sergei Armenakovich, Research Institute of History and Theory of Architecture and Urban planning, Moscow.

Малич Ксения Александровна, кандидат искусствоведения, историк архитектуры, старший преподаватель НИУ ВШЭ. Научный сотрудник НИИТИАГ. В 2009-2019 - научный сотрудник Государственного Эрмитажа, куратор архитектурной программы проекта «Эрмитаж 20/21». Куратор выставок, посвященных истории становления европейских архитектурных школ в XX веке, а также мастерам современной архитектуры. Область научных интересов - англо-советские архитектурные контакты, история английской архитектуры, архитектура XX века. Автор научных статей и мо-

нографии «Николай Митурич. Ленинградский архитектор» (С-Пб., Издательство Европейского университета, 2020).
Эл. почта: Kseniamalich@gmail.com

Malich Ksenia Aleksandrovna, Ph.D. Assoc. Prof., School of Design – Higher School of Economics (St. Petersburg), senior researcher at Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia). 2009-2019 – researcher at The State Hermitage Museum, curator of the architectural exhibition program. Research interests: Soviet-British architectural relationships, history of British architecture, XX century architecture.

Масиель Санчес Лев Карлосович, кандидат искусствоведения. В 2004 году защитил кандидатскую диссертацию «Каменные храмы Сибири XVIII в.: эволюция форм и региональные особенности». С 2002 г. работает в НИИТИАГ (с 2014 — по совместительству). Преподавал в Православном Свято-Тихоновском богословском институте (2004–2006) и работал старшим редактором Редакции церковного искусства и археологии Церковно-научного центра РПЦ «Православная энциклопедия» (2006–2011). С 2014 г. — доцент НИУ ВШЭ, Образовательная программа «История искусств», Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук. Основная специализация: русские региональные архитектурные школы XVIII века, в первую очередь, Сибирь, Урал и Русский Север (Архангельск, Каргополь, Вологда). Также занимается изучением проблем (или читает учебные курсы) по следующим направлениям истории архитектуры: регионы Европы и Америки XVI–XVIII вв. (Бретань, Мексика и др.), Бурятия — Монголия — Китай — Тибет XVII–XIX вв., Доколумбова Америка, эллинизм — Древний Рим — Византия, ислам, немодернистские течения в мировой архитектуре XX в. Автор многочисленных статей в «Православной энциклопедии» и разделов о нестоличном искусстве XVIII в. в новой «Истории русского искусства» (в печати).

Maciel Sanchez Lev Ph.D. in art history «Stone Churches of Siberia in the 18th c.: Evolution of Forms and Regional Features» (2004, a monographic study was published in 2017). Since 2014, associate professor of the Higher School of Economics, also works at the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning (since 2002). Author of about 30 articles on the history of architecture. Research interests: medieval architecture in the Modernity, classical architecture on the periphery of the European world, Postcolonial studies. Geography: Russia of the XVII-XX centuries, Soviet republics of the Southern Caucasus and Central Asia, Islamic world, Spain and Ibero-America in the 16-20th centuries.

Миннэр Жан-Баттист, директор Центра им. Андре Шастеля (Университет Сорбонны, Национальный центр научных исследований и Министерство культуры Франции). Профессор истории архитектуры и искусства XX века на факультете Истории искусства Университета Сорбонны (Париж). Историк архитектуры и градостроительства первой половины XX века, исследователь творчества и автор трех монографий об архитекторе и декораторе Анри Соваже (1873-1932). Занимался проблемой пригородов и в 2021 году курировал выставку, посвященной архитектору Жану Чуми (1904-1962) в Музее архитектуры и наследия в Париже.

Jean-Bapriste Minnaert is Professor of French universities, Jean Baptiste-Minnaert is the director of the Andre Chastel Center (Sorbonne, CNRS, Ministry of Culture). He is Professor of 20th Century History of Art and Architecture at the Faculty of Art History of the Sorbonne (Sorbonne University). Historian of the history of architecture and urbanism of the first half of the 20th century, his doctoral thesis was devoted to Henri Sauvage (1873-1932) and he published three books on the Parisian architect and decorator. Having more recently devoted his research to the peri-urban question, Jean-Baptiste Minnaert was in 2021 the curator of the exhibition dedicated to the architect Jean Tschumi (1904-1962) at the Cité de l'Architecture et du Patrimoine in Paris.

Невзгодин Иван Владимирович, доктор архитектуры, доцент кафедры ЮНЕСКО «Наследие и преобразование городской среды с целью устойчивого развития», Архитектурный факультет Делфтского технического университета, г. Делфт, Нидерланды. Архитектор и историк архитектуры и градостроительства России и Нидерландов.

Невзгодин Иван, Ph.D., Associate Professor in Heritage and Values, UNESCO chair in Heritage and the Reshaping of Urban Conservation for Sustainability, Department of Architectural Engineering and Technology, Faculty of Architecture and

the Built Environment, Delft University of Technology, The Netherlands.

Овсянникова Елена Борисовна, профессор МАРХИ, проф. СевГУ. Эл. почта: eb.ovsyannikova@gmail.com

Ovsyannikova Elena Borisovna, профессор Moscow Architectural Institute, проф. СевГУ.
E-mail: eb.ovsyannikova@gmail.com

Патти Федерика, архитектор, Ph. D. по истории архитектуры и градостроительства. С 2003 года сотрудничает с газетой «Giornale dell'Architettura» и пишет статьи для итальянских и зарубежных журналов. Училась и работала в Италии и за рубежом, была помощником директора Центра современной архитектуры в Москве (2004 г.), а также стала автором статей и эссе о российских и советских архитекторах и архитектуре. В данный момент преподает технологию в средней школе и, как независимый исследователь, пишет на темы, связанные со школой, образованием и архитектурой. Была советником по вопросам образования и школьного строительства муниципалитета Турина с 2016 по 2019 год.

Patti Federica, Architect and PhD in History of Architecture and Urban planning. Since 2003, she has collaborated with the *Giornale dell'Architettura* and writes articles for Italian and foreign magazines. She has studied and worked both in Italy and abroad, was assistant director at the Center for Contemporary Architecture in Moscow (2004), and has written articles and essays on Russian and Soviet architects and architecture. Today she teaches technology in middle school, and, as an independent researcher, she deals with and writes on topics related to school, education and architecture. She was Councilor for Education and School Building for the Municipality of Turin, from 2016 to 2019.

Пегидис Никос, Ph.D., историк искусства. В настоящее время – лектор на кафедре теории и истории искусства Афинской школы изящных искусств. С 2019 по 2020 год был доцентом кафедры истории и археологии Университета Янины. С 2017 по 2018 год был научным сотрудником Свободного университета, Берлин, работая над финансируемым DAAD исследовательским проектом по немецко-греческому культурному трансферу в архитектуре и городском планировании с 1930 по 1950 годы. Автор статей о визуальной культуре XX в., истории архитектуры и дизайна в академических журналах и научных сборниках.

Pegidouis Nikos, Ph.D., art historian. He currently works as an adjunct lecturer at the Department of Theory and History of Art, Athens School of Fine Arts. From 2019 to 2020 he was an adjunct lecturer at the Department of History and Archaeology, University of Ioannina. From 2017 to 2018 he was a post-doctoral fellow at Freie Universität Berlin, working on a DAAD-funded research project on the German-Greek cultural transfer in architecture and urban planning from 1930 to 1950. He has published several articles on twentieth-century visual culture, architectural and design history in academic journals and scientific volumes.

Печёнкин Илья Евгеньевич, кандидат искусствоведения, доцент, зав. кафедрой истории русского искусства факультета истории искусства РГГУ, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ЦНИИП Минстроя России). Область научных интересов -- история отечественной архитектуры периода Российской империи и раннего СССР; архитектура в системе культуры; история архитектурного образования; проблема «национального стиля» в архитектуре Нового и Новейшего времени. Является автором свыше 120 научных и научно-популярных публикаций, в том числе 2 учебных пособий и 4 монографий, среди которых - Сергей Устинович Соловьёв. Труды и дни московского архитектора (Москва:ABCdesign, 2020).
Эл. почта: pech_archistory@mail.ru; Тел.: +7 903 668 45 44

Pechenkin Iliia Evgenievich, Ph. D., assoc. prof., head of Department of Russian Art History at Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities; leading research fellow at the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning. Research field is a history of Russian Architecture during Russian Empire period and early USSR;

architecture in cultural context; a history of architectural education; problems of "nationalism" in the Late Modern Era and 1st half of 20th century. An author of more than 120 publications including 4 monograph and 2 tutorials.
E-mail: pech_archistory@mail.ru; Tel.: +7 903 668 45 44

Роэде Ингрид, аспирант Школы архитектуры и дизайна Осло, дизайнер, редактор, автор проектов по культурному программированию. Закончила магистратуру по истории, теории и критике архитектуры Массачусетского технологического института и магистратуру по архитектуре в Школе архитектуры и дизайна Осло. В Массачусетском технологическом институте была стипендиатом программы Фулбрайта, стипендиатом Акера и лауреатом премии SA+P SMArchS – 2019 за магистерскую диссертацию. Во время обучения в качестве ассистента преподавала курсы по теории и репрезентации городов, повторному использованию, а также истории и философии сохранения городской среды.

Roede Ingrid Dobloug is a PhD fellow at the Oslo School of Architecture and Design (AHO). Her professional experience includes design practice, editorial work, and cultural programming. She holds a Master of Science in the History, Theory and Criticism of Architecture from the Massachusetts Institute of Technology (MIT) and Master in Architecture from AHO. At MIT, she was a Fulbright Grantee, Aker Scholar, and recipient of the SA+P SMArchS 2019 Prize for Thesis. As Teaching Assistant at MIT and Assistant Professor at AHO, Roede has taught courses on urban theory and representation, reuse, and the history and philosophy of preservation.

Смоленская Светлана Алексеевна, доктор архитектуры, профессор кафедры архитектуры и урбанизма, Институт «Харьковская школа архитектуры» (Украина), эксперт ISC20C, член украинского ICOMOS, Союза журналистов Украины и Союза писателей России. Кандидатскую диссертацию посвятила методам исследования городской среды, защитила её в Научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва). Докторскую степень получила в Национальном университете «Львовская политехника» за исследования авангардной архитектуры и градостроительства 1920-1930-х годов в Украине. Ее статьи публиковались в профессиональных журналах Германии, Италии, Польши, России, Украины. Круг научных интересов: средовой подход в архитектуре, ландшафтный дизайн, архитектура и градостроительство XX века как культурное наследие.
Эл.-почта: smollana@gmail.com

Smolenska Svitlana, Doctor of Science (Architecture), Professor at the Department of Architecture and Urbanism, the Institute "Kharkiv School of Architecture", Ukraine. She is an expert of ISC20C, a member of the national ICOMOS (Ukraine), the Union of Journalists of Ukraine and the Union of Writers of Russia. Her Ph. D thesis was defended at the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Moscow) and was devoted to methods of researching the urban environment. She got her Sc. D at the National University «Lviv Polytechnic» for research avant-garde architecture and town planning of 1920s-1930s in Ukraine. Her articles have been published in professional journals in Germany, Italy, Poland, Russia, Ukraine. Her scientific interests are: environmental approach in architecture, methods of urban environmental research, landscape design, architecture of the 20th century as a cultural heritage.
E-mail: smollana@gmail.com

Старостенко Юлия Дмитриевна кандидат архитектуры, старший научный сотрудник Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»). Основные направления исследовательской деятельности связаны с изучением процессов становления и развития российского и советского градостроительства в 1910-1930-е годы, в том числе путей формирования советской теории и истории градостроительства, и истории российской и советской архитектуры означенного периода. Особое место в сфере научных интересов занимают исследования по истории архитектурно-градостроительного развития Москвы 1920-х – 1930-х годов.
Эл. почта: ystarostenko@yandex.ru; Тел.: +79166415323

Starostenko Yulia Dmitrievna, Candidate of Architecture, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, Senior Researcher. The main directions of research activity are

related to the study of the processes of formation and development of Russian and Soviet town planning in the 1910s–1930s, including the ways of forming the Soviet theory and history of urban planning, and the history of Russian and Soviet architecture of this period. A special place in the field of scientific interests is concerned by research on the history of architectural and urban development of Moscow in the 1920s–1930s.

111024 Russia, Moscow, Dushinskaya str., b. 9; ystarostenko@yandex.ru; Tel. +79166415323

Удовички Сельб Данило штатный профессор Школы архитектуры Техасского университета в Остине. Автор многочисленных статей и монографий по архитектуре и идеологии, советской архитектуре 1930-х гг., французском модернизме и Шарлотте Перриан, в частности. Исследования были поддержаны грантами Фонда Грэма и стипендией CASVA от Вашингтонской национальной художественной галереи. В 2020 г. в издательстве Bloomsbury вышла в свет монография *The Soviet Architectural Avant-Gardes: Architecture and Stalin's 'Revolution from Above' 1928-1938*.

Udovički-Selb Danilo is full-time professor at the School of Architecture at the University of Texas at Austin. He has published extensively on architecture and ideology, the Soviet architecture of the 1930s, and on French Modernism and Charlotte Perriand in particular. He has benefitted from the support of the Graham Foundation and a CASVA Senior Fellowship From the Washington National Gallery of Art. His latest book *The Soviet Architectural Avant-Gardes: Architecture and Stalin's 'Revolution from Above' 1928-1938* was published by Bloomsbury in 2020.

Флирл Томас, доктор филологии, изучал философию и эстетику в Ун-те Гумбольдта в Берлине. Много лет работал в сфере управления культурной политикой, с 2006 г. был независимым историком архитектуры и публицистом. Член ICOMOS Германии, глава фонда Hermann Henselmann Foundation, член научного консультативного совета Общества Эрнста Мая во Франкфурте-на-Майне, член Института истории и теории архитектуры и планирования Баухаус в Веймаре и Свободного университета в Берлине. Приглашенный исследователь в Ун-те Констанца.

Flierl Thomas, PhD, studied philosophy and aesthetics at the Humboldt University in Berlin. He worked many years in cultural administration and politics and has been a freelance architectural historian and publicist since 2006. ICOMOS Germany, Head of the Hermann Henselmann Foundation, member of the scientific advisory board of the Ernst May Society Frankfurt am Main; member of the Bauhaus Institute for the History and Theory of Architecture and Planning Weimar. Lectureships at the Bauhaus University Weimar and the Free University Berlin. Visiting scholar at the University of Konstanz.

Хнидкова Вендула, старший научный сотрудник Института искусств Чешской Академии наук в Праге. В 2018–2020 гг. была стипендиатом гранта Марии Склодовской-Кюри в Ун-те Бирмингема, занимаясь исследованием городов-садов в рамках проекта «Идея, идеал, идиллия: города-сады в Центральной Европе 1890-х – 1930-х гг.» (*Idea, Ideal, Idyll: Garden Cities in Central Europe 1890s–1930s*). Автор книг «Национальный стиль: культура и политика» (Прага, 2013), «Москва 1937: архитектура и пропаганда» (Прага, 2018) и «Дух в действии: Архитектура и чешская политика 1918–1945» (Прага, 2020). В Чехословакии: От городов-садов к садам-гетто».

Эл. ресурсы: <https://www.udu.cas.cz/en/lide/mgr-vendula-hnidkova-ph-d>; <https://cas-cz.academia.edu/VendulaHnídková>

Hnídková Vendula is Senior Research Fellow at the Institute of Arts, Czech Academy of Sciences in Prague. In 2018–2020, she was a Marie Skłodowska-Curie Individual Fellow at the University of Birmingham conducting research into garden cities as part of the project *Idea, Ideal, Idyll: Garden Cities in Central Europe 1890s–1930s*. Hnídková authored *National Style: Culture and Politics* (Prague, 2013), *Moscow 1937: Architecture and Propaganda* (Prague, 2018), and *Spirit at Work. Architecture and Czech Politics 1918-1945* (Prague, 2020). Currently Hnídková prepares a book *Utopia in Czechoslovakia. From Garden Cities to Garden Ghettos*.

E-mail: hnidkova@udu.cas.cz; <https://www.udu.cas.cz/en/lide/mgr-vendula-hnidkova-ph-d>; <https://cas-cz.academia.edu/VendulaHnídková>

Хрупин Константин Геннадьевич, архитектор, магистр архитектуры, научный сотрудник НИИТИАГ. Автор более 25 публикаций. Область научных интересов: история архитектуры, историко-теоретические исследования советской архитектуры, организация академической науки.
Эл. почта: hkongen@gmail.com

Khrupin Konstantin Gennadjevich, Architect, M.d. in Architecture, Research Fellow at The Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, Moscow, Russia. He is the author of more than 25 publications. Research interests: history of architecture, historical and theoretical studies of Soviet architecture, organization of academic science.
E-mail: hkongen@gmail.com

Чекканти Костантино, архитектор музея Барджелло, Флоренция, выпускник факультета Архитектуры Университета Флоренции, где написал диплом «Архитектор Джанболонья» (руководитель Амедео Беллуцци), получил ученую степень по архитектуре в том же университете, написав диссертацию «Архитектор Баччио де Монтелупо» (руководитель Амедео Беллуцци). Участвовал в организации нескольких выставок национального и международного уровня, опубликовал многочисленные статьи в профессиональных журналах, участвовал в итальянских и международных конференциях, в том числе «Джулиано да Сангалло 1516-2016», организованной Германским институтом истории искусств (Kunsthistorisches Institut) во Флоренции в ноябре 2016 г. В 2018 г. опубликовал монографии. *Baccio da Montelupo. Architetto nella Repubblica di Lucca* (Баччио да Монтелупо. Архитектор Республики Лукка), преподавал в кампусе во Флоренции от Университете Тончжи (Шанхай, КНР) в сотрудничестве с Университетом Флоренции, а с мая 2021 г. является членом Совета при Фонде Микелуччи во Фьезоле, Флоренция (Fondazione Michelucci).

Ceccanti Costantino is an architectural Officer of the Bargello Museums, Florence - graduated from the Faculty of Architecture of the University of Florence with the thesis *Giambologna Architetto* (tutor: Amedeo Belluzzi), and then obtained a PhD in Architecture from the same institute with the dissertation *Baccio da Montelupo Architetto* (tutor: Amedeo Belluzzi). He has collaborated in the organisation of several exhibitions of national and international importance, has published numerous articles in specialist journals and has participated in national and international conferences, including 'Giuliano da Sangallo 1516-2016', held at the Kunsthistorisches Institut in Florenz in November 2016. In 2018, published the monograph *Baccio da Montelupo. Architetto nella Repubblica di Lucca*. He has taught at the Campus established in Florence by Tongji University of Shanghai in collaboration with the University of Florence and, since May 2021, he has been a member of the Board of the Fondazione Michelucci Foundation in Fiesole, Florence.

Чон Да Хён, докторант и адъюнкт-профессор Нью-Йоркского ун-та. Его диссертация, озаглавленная «Советский архитектурный постмодернизм: 1977–1991» (*Soviet Architectural Postmodernism: 1977–1991*), выполнена под руководством проф. Жана-Луи Коэна, она является первым исследованием, охватывающим всю эту тему. В настоящее время научный сотрудник Исследовательского института Гетти в Лос-Анджелесе, ранее был стипендиатом гранта Меллона-Маррона в отделе архитектуры и дизайна в Музее современного искусства в Нью-Йорке (МоМА) в 2019–2020 гг. Опубликовал статьи об итало-советских архитектурных обменах в 1980-х гг., о русской архитектуре во время Первой мировой войны, о британском восприятии радикальной итальянской архитектуры и о присутствии советской архитектуры в Азии.

Jeong Da Hyung is a doctoral candidate and adjunct professor at New York University. His dissertation, entitled *Soviet Architectural Postmodernism: 1977–1991* and supervised by Professor Jean-Louis Cohen, is the first book-length study devoted to the subject. Currently, he is a Pre-Doctoral Fellow at the Getty Research Institute, Los Angeles, having served previously as a 2019–2020 Mellon-Marron Curatorial Fellow in the Department of Architecture and Design at The Museum of Modern Art, New York (MoMA). He has published on Italo-Soviet architectural exchanges during the 1980s, Russian architecture during World War I, the British reception of Italian radical architecture and Soviet architectural presence in Asia.

Штиглиц Маргарита Сергеевна, доктор архитектуры, ведущий специалист НИИТАГ, профессор Центра инновационных проектов СПбХПА им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург; член-корреспондент Российской Академии Архитектуры и Строительства; член Ученого Совета Санкт-Петербургского отделения Союза Архитекторов РФ;

вице-президент ИКОМОС в России; член Президиума Санкт-Петербургского отделения ВООПИК; член Совета по охране культурных ценностей при Правительстве Санкт-Петербурга. Специалист по истории и современным проблемам охраны культурного наследия Санкт-Петербурга – промышленной архитектуры и архитектуры эпохи авангарда. Автор ряда книг, в том числе «Архитектура ленинградского авангарда» (совместно с Б.М. Кириковым), а также более 170 профессиональных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях. Участница и организатор конференций и круглых столов в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Манчестере, Тампере, Лиссабоне, Венеции, Париже, Берлине и Нью-Йорке; автор государственных историко-культурных экспертиз по охране объектов культурного наследия. Тел. +7(911)934 92 60; Эл. почта: mstig@mail.ru

Shtiglits Margarita Seregeevna is Doctor of Architecture, Chief specialist of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban planning, Professor of the Center for Innovative Educational Projects of the A.L. Stiglitz St. Petersburg State Artistic and Industrial Academy; corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences; member of the Board of the St. Petersburg branch of the Union of Architects of the Russian Federation; Vice President of ICOMOS, Russia, Member of the Presidium of the St. Petersburg Branch of the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture, Member of the Council for the Protection of Cultural Heritage under the Government of St. Petersburg. She specializes in the history and current problems of protecting the cultural heritage of St. Petersburg – industrial architecture of St. Petersburg and the architecture of the Soviet avant-garde. He is the author of a number of books, including *Architecture of the Leningrad Avant-garde* (co-authored with B.M. Kirikov) and more than 170 publications on this topic in domestic and foreign publications. Participant and organizer of conferences and round tables in St. Petersburg, Moscow, Yekaterinburg, Manchester, Tampere, Lisbon, Venice, Paris, Berlin, and New York; author of the state historical and cultural expertise on the preservation of cultural heritage objects. Tel. +7(911)934 92 60; E-mail: mstig@mail.ru

Шуба Александр Витальевич окончил бакалавриат и магистратуру программы «Историческое и культурное наследие» в Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе, Литва. С 2017 – исследователь в рамках проекта urbanHIST, аспирант Университет Баухаус в Веймаре (Германия). Работает над диссертацией «Советская историография градостроительства в XX веке. Критический анализ публикаций на славянских языках» (науч. рук. Макс Велч Гуерра и Мартин Пекар, Университет им. Павла Жозефа Шафарика, Кошица, Словакия). Ассистент профессора Макса Велч Гуерра в рамках программы STIBET Assistantship в Университете Баухаус, Веймар, Германия. Эл. почта: aliaksandr.shuba@uni-weimar.de

Shuba Aliksandr graduated the Bachelor and Master programmes in the Cultural Heritage Studies from the European Humanities University in Vilnius, Lithuania. From 2017 he worked as an Early Stage Researcher under the urbanHIST project and became a PhD candidate with the research project “The Soviet Historiography of Urban Planning in the 20th century. A critical analysis of cross-nationally oriented publications in the Slavic languages” under the supervision of prof. Dr. phil. habil. Max Welch Guerra at the Bauhaus-Universität Weimar, Germany, and Dr. Martin Pekár, PhD at the Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, Slovakia. He is currently employed a teaching assistant under the STIBET Assistantship at the Bauhaus-Universität Weimar and continuing the studies on the PhD level.

Шурыгина Ольга Сергеевна, независимый исследователь, член ИКОМОС Россия. Автор более 30 статей и 4 книг, включая монографии: «Гаражи Петербурга 1900-1910-х годов: история и архитектура» (М.: Gorkyclassic, 2019. 200 с.: ил.) и «Гаражи Москвы: автомобильная архитектура 1900–1930-х годов» (М.: Еврейский музей и центр толерантности; Артгид, 2020. 384 с.: ил.). Куратор выставки «Дом для машин. Бахметьевский и другие гаражи» (2020-2021; Еврейский музей и центр толерантности). Область научных интересов: история техники и автотранспортной архитектуры России 1900—1930-х годов; история государственных учреждений раннего СССР; биография. Эл. почта: olia85@list.ru

Shurygina Olga Sergeevna is an independent Researcher, Member of ICOMOS. Author of over 30 articles and 4 books, including monographs: “Garages of St. Petersburg 1900—1910s: history and architecture” (Moscow: Gorkyclassic, 2019, 200 pages: ill.) and “Garages of Moscow: automobile architecture of the 1900—1930s” (Moscow: Jewish Museum and Tolerance Center; Artguide, 2020, 384 pages: ill.). Curator of the exhibition “Where Cars Feel at Home. Bakhmetevsky and Other Garages” (2020-2021; Jewish Museum and Tolerance Center). Field of research interests: a history of techniques and car

architecture in Russia during 1900-1930s; a history of state institutions in the early USSR; biographical studies.
E-mail: olia85@list.ru

Янчаркова Юлия, Ph.D., искусствовед, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чешской Республики, куратор Галереи изобразительного искусства в Находе, член Общества историков искусства в Чешской Республике. Автор двух монографий, автор, редактор и составитель научного каталога работ Ф. А. Малявина в чешских коллекциях, автор фильма «Эмиграция в Византию», посвященного Н. Л. Окуневу, автор ряда научных, словарных и популярных статей, художественных и исторических выставок, участник международных проектов. Состоит членом редакции журнала *Byzantinoslavica*. Сфера научных интересов: история русской византистики в Чехословакии, научная деятельность Н. Л. Окунева, Н. П. Кондакова и их последователей, история Археологического института им. Н. П. Кондакова, биографии и творческая деятельность эмигрантов с территорий бывшей Российской империи - художников, скульпторов, архитекторов, искусствоведов - в Чехословакии в период между Первой и Второй мировыми войнами, история коллекций русского искусства в Чехословакии.
Эл. почта: julie.jancarkova@seznam.cz; Тел.: +420777 827073

Yancharkova Julia, Ph.D., researcher at the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic, curator of the Gallery of Fine Art in Nakhod, member of the Society of Art Historians in the Czech Republic. Art critic. The author of two monographs, the author, editor and compiler of the scientific catalog of works by F. A. Malyavin in Czech collections, the author of the film "Emigration to Byzantium," dedicated to N. L. Okunev, the author of a number of scientific, dictionary and popular articles, art and historical exhibitions, a participant in international projects. He is a member of the editorial board of 'Byzantinoslavica' magazine. Scientific interests: the history of Russian Byzantinism in Czechoslovakia, the scientific activities of N.L. Okunev, N.P. Kondakov and their followers, the history of the Archaeological Institute named after N.P. Kondakov, the biographies and creative activities of emigrants from the territories of the former Russian Empire - artists, sculptors, architects, art historians - in Czechoslovakia between the First and Second World Wars, the history of Russian art collections in Czechoslovakia.

На первой и последней страницах: Б.М. Иофан, А.И. Баранский, Дворец Советов, Конкурсный проект, Интерьер Большого зала, 1932 г © Музей архитектуры им. А.В.Щусева; Б.М. Иофан, 1930-е гг © Музей "Дом на Набережной"

On the first and the last pages: B.M. Iofan, A.I. Baranskiy, Palace of Soviets, Competition project, Interior of the Great Hall, 1932 © State Museum of Architecture; B.M. Iofan, 1930s © Museum "Dom na Naberezhnoj"

Графический дизайн - graphics design: Lorenzo Grieco